

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Пахомов А.А., Макаров А.И., Багдасарян К.М.

**Повестка действий России в ВТО:
теоретические подходы и направления реализации**

Москва 2017

Аннотация. В данной работе исследуются результаты деятельности российской делегации во Всемирной торговой организации в 2012-2016 гг., а также предварительные итоги воздействия членства в организации на внешнеэкономический сектор России.

На современном этапе требуется активный поиск новых решений и направлений действий на среднесрочную перспективу в этой значимой сфере для выработки внешнеэкономической политики России. В среднесрочной перспективе – по мере возможного формирования основ новой экономики - будет возрастать востребованность и значимость «фактора ВТО» в России. В свою очередь, может возникнуть синергетический эффект, который позволит проводить эффективную внешнеэкономическую политику страны с учетом интересов поступательного развития национального хозяйства.

Summary. In this research the review of the activity of Russian delegation in the World Trade Organization into 2012-2016 is analyzed, as well as the preliminary results of the impact of membership in the organization in the foreign economic sector of Russia.

The active search for a solutions and directions of actions on the intermediate-term prospect in this significant sphere for elaborating the foreign economic policy of Russia is required in the present stage. Over the intermediate-term long term – in proportion to the possible formation of the bases of the new economy - will grow demand and significance for the “WTO factor” in Russia. In turn, the synergetic effect can arise, which will make it possible to carry out the effective foreign economic policy of the country taking into account the interests of the progressive development of national economy.

Пахомов А.А. ведущий научный сотрудник лаборатории макроэкономических исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Макаров А.И. научный сотрудник лаборатории макроэкономических исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Багдасарян К.М. аспирант кафедры национальных и федеративных отношений ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2016 год.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. ИЗУЧЕНИЕ ОПЫТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВТО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ	
1.1 Позиции стран БРИКС.....	6
1.2 Новые динамично развивающиеся государства.....	21
1.3 Страны СНГ: общие черты и особенности.....	31
2. ВЫРАБОТКА АКТУАЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ ДЕЙСТВИЙ РОССИИ В ВТО	
2.1 Внешние вызовы и внутренние ограничения развития внешнеэкономической деятельности России на современном этапе.....	43
2.2 Применение инструментов ВТО во внешнеэкономической политике страны.....	53
2.3 Направления перспективных действий Российской Федерации во Всемирной торговой организации.....	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	68

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что Российская Федерация является членом Всемирной торговой организации уже более четырех лет, заметного позитивного эффекта от участия в этой международной структуре, как предполагалось, не достигнуто. Вместе с тем, оправдались в определенной степени негативные ожидания критиков самого процесса присоединения.

За истекший период российская сторона уже проделала определенную работу во Всемирной торговой организации: приняла участие в подготовке совместных документов к двум Министерским конференциям (высшей орган ВТО) и переговорам в рамках Дохраунда по различным направлениям, была задействована в текущей деятельности организации в Секретариате ВТО.

Помимо этого, закончились почти все основные переходные периоды по выполнению национальных обязательств, принятых при присоединении; Россия уже участвует в Органе по разрешению споров в качестве истца и ответчика по десяти кейсам. Также был проведен первый комплексный Обзор торговой политики Российской Федерации на предмет ее соответствия нормам и правилам ВТО (эту процедуру наша страна проходит раз в четыре года).

Таким образом, можно подводить итоги, отчасти предварительные, пребывания России во Всемирной торговой организации. Вместе с тем, интерес к изучению проблематики ВТО («trade policy») в стране заметно снизился, в том числе количество различных публикаций и исследований. Хотя на современном этапе требуется активный поиск новых решений и направлений действий на среднесрочную перспективу в этой значимой сфере для выработки внешнеэкономической политики России.

Как представляется, помимо комплекса субъективных и объективных причин, низкая результативность участия страны (т.е. торговой политики как составной части национальной внешнеэкономической стратегии) в ВТО определяется решающим фактором – невосприимчивостью и неготовностью нынешней модели российской экономики с доминированием энергосырьевого сектора и монополизмом госкомпаний к эффективному использованию инструментов ВТО во внешнеэкономической сфере.

Также необходимо выделить новые вызовы и ограничения (экономическая рецессия, торгово-политические санкции, неблагоприятная конъюнктура мировых товарных рынков и пр.) для эффективной реализации внешнеэкономической политики страны, что в итоге повышает степень изоляции России от глобальных рынков, а также сокращает пространство для маневра и гибкости во внешней сфере.

Однако в среднесрочной перспективе – по мере возможного формирования основ новой экономики - будет возрастать востребованность и значимость «фактора ВТО» в России. В свою очередь, может возникнуть синергетический эффект, который позволит проводить эффективную внешнеэкономическую политику страны с учетом интересов поступательного развития национального хозяйства.

1 ИЗУЧЕНИЕ ОПЫТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВТО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

1.1 Позиции стран БРИКС

В целях проведения объективного исследования деятельности России в ВТО необходимо провести сравнительный анализ зарубежной практики. Речь в данном случае идет о сопоставлении качественных и количественных параметров деятельности в ВТО недавно присоединившихся стран и государств с сопоставимым уровнем экономического развития по укрупненным группам – БРИКС, динамично развивающиеся страны и государства СНГ.

В настоящее время существует масса зарубежных и отечественных исследований по экономической проблематике стран БРИКС и группировки в целом. Однако сравнительный анализ их деятельности в ВТО еще практически комплексно не изучался¹. При этом надо понимать, что активность страны во Всемирной торговой организации является квинтэссенцией национальной торговой политики (и составной частью экономической стратегии развития государства).

Исходные позиции стран в организации во многом определяются сроками пребывания в системе ГАТТ/ВТО. Так, согласно преамбуле ГАТТ-47 «Соединенные Штаты Бразилии, Индия и Южно-Африканский Союз» стали странами-учредителями (Договаривающимися сторонами) Генерального соглашения по тарифам и торговле². По итогам Уругвайского раунда МТП эти три страны оформили по универсальной процедуре свое членство в ВТО с 1995 года³.

Более длинным и сложным был путь в ВТО Китая. Первоначально в состав учредителей ГАТТ вошла Китайская Республика (Тайвань), представленное правительством Чан Кайши. Эта ситуация сохранялась до 1973 г., когда КНР стала членом ООН, заняв место Китайской Республики, включая место Постоянного члена Совета Безопасности ООН. На этой волне китайское руководство пыталось реализовать подобную схему в ГАТТ и автоматически занять («восстановление членства») место Тайваня в этой организации.

¹ См. например, BRICS in the World Trade Organization: Comparative Trade Policies. Brazil, Russia, India, China and South Africa. Edited by Vera Thorstense n & Iva n Tiago Mac hado Oliveira. Institute for Applied Economic Research (Ipea). Brasilia, March 2014, 101 p. 2010 BRIC Brasilia Summit Compliance Assessment on World Trade: Fighting Protectionism and Disguised Restrictions Melissa Blaustein, Katie DeMallie, Mickael Deprez, Rym Ghouma, Krystel Montpetit and Atena Sadegh BRICS Research Group, 29 September 2013. p.11

² Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ-47), с.1

³ Официальный сайт Всемирной торговой организации www.wto.org

Однако Китаю пришлось начать переговоры по участию в ГАТТ в итоге пройти полную процедуру присоединения к ВТО, что заняло более 15 лет и состояло из периодов замораживания переговоров и их форсирования¹. В итоге КНР стала участником ВТО только в конце 2001 г.

Россия, как указывалось выше, стала полноправным членом ВТО только в августе 2012 г. Соответственно, базовые условия присоединения Китая и России кардинально отличаются от параметров членства трех других членов БРИКС².

Параметры присоединения двух последних стран по тарифным уступкам, либерализации доступа на рынки услуг, а главное – по системным вопросам, оказались по сравнению с членами-учредителями более жесткими, а в случае Китая – даже дискриминационными (по ряду элементов).

В значительной мере влияние стран БРИКС в ВТО определяются их местом в глобальной торговле, хотя позиции государств группировки здесь сильно различаются (см. табл. 1). Так, Китай уже является мировым лидером по объему товарооборота, опередив США, а Индия по этому показателю уже обогнала Россию. За ними следует Бразилия, а также ЮАР, которая по своему экономическому потенциалу заметно отстает от других государств БРИКС.

Таблица 1.

Позиции страны БРИКС в мировой торговле товарами в 2015 г.

Страна	Экспорт		Импорт	
	Место	Доля, %	Место	Доля, %
Китай	1	13,8	2	10,0
Россия	15	2,1	23	1,2
Индия	19	1,6	13	2,3
Бразилия	25	1,2	25	1,1
ЮАР	40	0,5	33	0,6

Источник: составлено по базе данных ВТО «Trade profiles, 2015»

С другой стороны, среди стран БРИКС а рейтинге Doing Business-2015 по степени создания условий для ведения предпринимательства картина складывается почти диаметральной. В этом рейтинге лидирует именно ЮАР (на 43-м месте), Россия находится

1 Журнал «Китай», 2011

2 Пахомов А.А. Тарифные переговоры в рамках ВТО, «Внешняя торговля», N2, 2000

на 62-1 позиции, а далее идут Китай (90), Бразилия (120) и в конце списка Индия - на 142-м месте¹.

В свою очередь, укрепление позиций конкретной страны в мировой торговле усиливает ее влияние во Всемирной торговой организации. В целом государства БРИКС занимают заметное место в мировой торговле товарами: 19,3% - по экспорту и 15,2% по импорту. Но их удельный вес меньше в обмене коммерческими услугами: соответственно, 10,5% и 14,1%, что обусловлено становлением в этих государствах основ нового технологического уклада экономики. В последние годы под воздействием кризисных явлений эндогенного экзогенного характера большинство стран БРИКС сократили объемы экспортно-импортных операций и утратили свои прежние позиции в мировой торговле, прежде всего, Россия и Бразилия.

В этом плане весьма наглядны показатели участия различных стран БРИКС в деятельности Органа по разрешению споров (ОРС) ВТО. Так, Бразилия и Индия являются наиболее активными по количеству поданных исков. Напротив, Китай является ответчиком по наибольшему числу дел, что отчасти связано с нарушением правил экспортной конкуренции. За ним следует Индия, которая традиционно проводит протекционистскую политику. Бразилия, Индия и Китай также весьма активно участвуют в спорах ВТО в качестве «третьей стороны» (см. табл. 2).

В тоже время ЮАР в деятельности ОРС принимает пассивное участие, а Россия пока находится в начальной стадии этого направления работы, хотя можно ожидать роста поданных против нее исков.

Таблица 2

Показатели участия стран БРИКС в исках ОРС
(по состоянию на сентябрь 2016 г.).

Страна	Истец	Ответчик	Третья сторона	Всего
Бразилия	29	16	102	147
Индия	22	23	118	163
Китай	13	26	132	171
Россия	4	6	28	38
ЮАР	0	5	7	12

Источник: составлено авторами по данным базы WTO Dispute cases

¹ В 2014 г до новой волны турбулентности в мировой экономике S&P констатировало, что непрозрачность госуправления и снижение качества регуляторных решений - единственная существенная угроза суверенному рейтингу России. Это отличает ее, например, от ЮАР, где главной опасностью S&P видел налоговую политику. В Индии, где проблемы довольно широки, и Китая, который имеет шансы на дальнейшее улучшение рейтинга как заемщик по большинству параметров. Коммерсантъ, 26 ноября 2014 г.

Вместе с тем, при всех тенденциях к сближению государства БРИКС в посткризисный период вводили массированные и разнообразные ограничения в торговле, что противоречит правилам либерализации - самой сути ВТО. Более того, страны БРИКС (прежде всего Индия, а меньшей степени ЮАР) иницируют барьеры в отношении друг друга, что мешает росту их взаимной торговли.¹

Как отмечает The Wall Street Journal, «как и большинство семей, блок БРИКС не так счастлив, как кажется со стороны». Отчет Global Trade Alert (GTA) за 2015 г. - проекта лондонского Центра изучения экономической политики (CERP), «выявляет некоторые неуклюжие противоречия в усилиях по объединению БРИКС», отмечает автор статьи Р.Цзун.²

Руководитель отчета профессор экономики из швейцарского Университета Санкт-Галлена С. Эвенетт указывает: «С одной стороны, страны БРИКС постарались укрепить торговлю друг с другом за счет более щедрых кредитных линий для экспортеров и других мер. С другой стороны, страны БРИКС ответственны за треть случаев причинения вреда коммерческим интересам друг друга».

С 2008 года в базе данных GTA задокументированы три крупные вспышки протекционизма. За этот период правительства БРИКС внедрили 1451 меру, дающую преимущество местным коммерческим интересам перед зарубежными, - это 32% от такого рода мер, внедренных в целом по миру. С тех пор страны БРИКС отменили всего пятую часть таких норм. Это позволяет предположить, что протекционистские барьеры были воздвигнуты не просто в качестве временных антикризисных мер (см. рис. 1)

Внутри блока в качестве нарушителя выделяется Индия. По данным GTA, по количеству дискриминационных мер и категорий товаров, на которых оказывают влияние эти меры, эта страна уступает только Европейскому союзу. Страны БРИКС также вносят вклад в происходящий на мировом уровне рост доли реформ, направленных на уменьшение препятствий, стоящих перед иностранными фирмами и инвесторами. Однако 28% этих послаблений уже не действуют, причем в среднем по миру этот показатель составляет 15%", - сообщает The Wall Street Journal³.

¹ «Ведомости», 08.07.2015

² The Wall Street Journal, Washington, 8 July, 2015

³ Ibidem

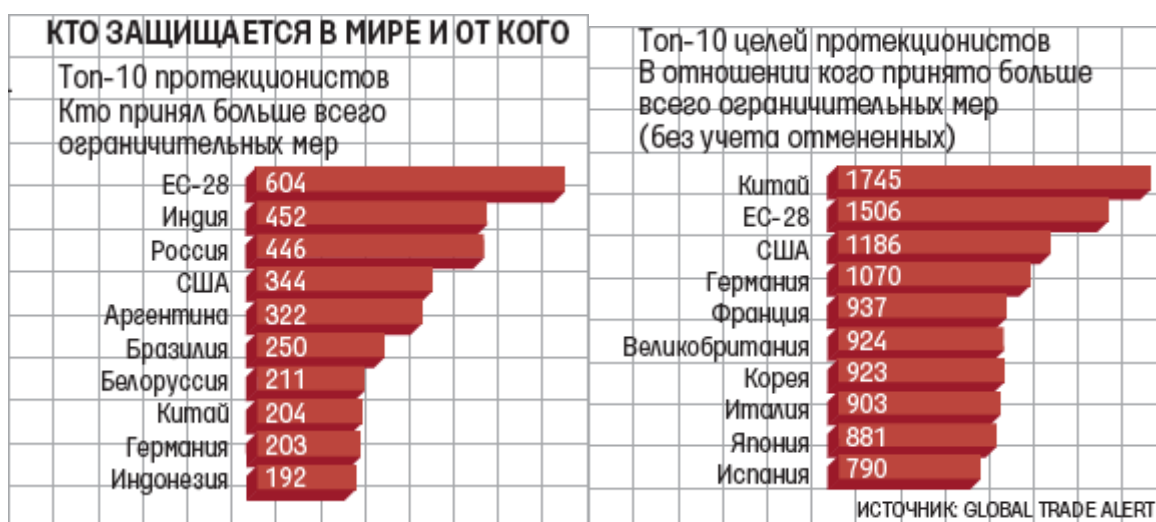

Рис.1 Топ-10 стран мира - лидеры по введенным торговым барьерам и затронутые ограничения.
Источник: Global Trade Alert (2015)

Учитывая частоту, с которой коммерческим интересам стран БРИКС вредит политика «разори соседа» (beggar-thy-neighbour), эти государства должны стать чемпионами протекционизма. Чаще всего от государств БРИКС защищаются непосредственные участники блока. Но их торговая политика должна стать более открытой, считают эксперты Global Trade Alert.¹

Эксперты GTA подсчитали, что с ноября 2008 г. по июнь 2015 г. в мире ежедневно принималось в среднем по две меры, ограничивающие торговлю, – всего более 5000. С началом мирового кризиса страны начали активно использовать протекционизм как антикризисную меру, и для предотвращения риска разрушения мировой торговой системы лидеры государств G20 даже пообещали воздерживаться от нанесения взаимного ущерба.

Сдерживать обещание пока не очень получается: по данным GTA, на каждую либерализационную меру приходится 3 «дискриминационных» (ограничительных). Но у стран БРИКС это соотношение еще больше – один к четырем.

Причем каждая вторая мера применяется в отношении той или иной страны БРИКС. Причем чаще всего защищают свои рынки от государств БРИКС сами участники группировки – в каждом третьем случае (см. рис. 2). За исключением ЮАР, все они входят также в топ-10 мировых протекционистов, и к 2015 г. на долю БРИКС приходилось почти 40% принятых в мире ограничительных мер, это вдвое больше, чем в 2008 г.

¹ О.Кувшинова Неторгуемый БРИКС, «Ведомости», 17.07.2015

КАК СТРАНЫ БРИКС ЗАЩИЩАЮТ СВОИ РЫНКИ ДРУГ ОТ ДРУГА						
против БРИКС	принято в БРИКС					Общее число мер, принятых партне- рами по БРИКС
	Бразилия	Китай	Индия	Россия	Южная Африка	
Бразилия		51	107	79	26	263
		33	72	50	23	178
Китай	154		284	202	67	707
	122		234	144	5	505
Индия	81	72		81	35	269
	64	50		57	34	205
Россия	27	66	100		6	199
	17	48	64		4	133
Южная Африка	43	45	111	40		239
	33	35	78	29		175
Число ограничительных мер, принятых с начала кризиса						
Число ограничительных мер, находящихся в силе						

Рисунок 2: Как страны БРИКС защищают свои рынки друг от друга

Источник: Global Trade Alert [электронный ресурс] / BRICS Trade Strategy: Time for a Rethink

<http://www.globaltradealert.org/sites/default/files/GTA17%20-%20BRICS%20Trade%20Strategy.pdf> (дата обращения: 25.09.2016)

Английский вариант названия таблицы имеет интересный экономический термин «beggar-thy-neighbour» («навреди соседу») что означает: проведение экономической политики государства по оздоровлению национального хозяйства способами, которые ведут к ухудшению экономических проблем других стран¹.

Учитывая, что почти треть ограничительных мер, принятых в мире с конца 2008 г., введены странами БРИКС и только пятая часть ограничений отменена, сомнительно, что протекционизм для БРИКС лишь временный ответ на глобальный кризис, отмечается в докладе GTA «Торговая стратегия БРИКС должна быть переосмыслена» (The BRICS Trade Strategy: Time for a Rethink)².

Однако еще раз повторяем – нельзя увлекаться материалами GTA. Здесь заложен примитивный подход – максимальный подсчет всяческих ограничений. Прежде всего, следует различать дискриминацию (грубое нарушение международных правовых норм, в том числе ВТО) - но таких мер очень мало, и ограничения (как правовые инструменты в торговле) – таких подавляющее большинство и они легальны. Как показывает практика, в 90% случаев российские компании сами виноваты, что нарываются на подобные ограничения.

Поэтому можно осуждать и критиковать только дискриминацию или неправомерно применяемые ограничения, а таких всего несколько процентов от общего числа барьеров.

¹ (англ. оригинал: beggar-thy-neighbour policy is an economic policy through which one country attempts to remedy its economic problems by means that tend to worsen the economic problems of other countries).

² The BRICS Trade Strategy: Time for a Rethink The 17th GTA Report, Simon J. Evenett, L., 2015, 107 p.

Но это достаточно трудно, поэтому многие исследователи попали в ловушку примитивного и ненаучного подхода исследования барьеров во внешней торговле.

Все сказанное выше наглядно демонстрирует нарушение базовых принципов ВТО, прежде всего, странами БРИКС в отношении друг друга. Поэтому реальной координации деятельности группировки в целом (за исключением отдельных случаев) в рамках ВТО как таковой нет, поэтому анализ в данном случае может проводиться преимущественно в страновом разрезе.

Совместные заявления стран БРИКС о координации деятельности в ВТО скорее являются дипломатическими декларациями политического характера, чем руководством к действию. Так, в период председательства России в БРИКС в 2015 г. министры экономики и внешней торговли Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР обсудили в Москве стратегию экономического партнерства БРИКС и инициативы в области торговли и инвестиций, взаимодействие в рамках ВТО и G20, а также международную экономическую повестку дня¹.

Однако реалии показывают, что в этих сферах государства БРИКС скорее соперники и конкуренты (например, Индия - Китай), чем партнеры, что демонстрирует достаточно низкую степень их взаимодействия и взаимозависимости².

В этом плане наглядным примером является отсутствие координации позиций пяти стран БРИКС в области сельскохозяйственной политики – традиционно ключевой сферы деятельности ВТО. Так, Бразилия и ЮАР явятся членами влиятельной Кернской группы³, которая в ВТО активно лоббирует либерализацию торговли сельхозтоварами, включая сокращение внутреннего субсидирования и экспортной поддержки.

Вместе с тем, Китай и Индия, которые входят в ведущую десятку экспортеров мира по объемам торговли сельхозсырьем и продовольствием, воздерживаются от консолидации позиций с этой группой. Россия, как всегда, не имея внятной позиции, оказывается между двумя парами участников БРИКС, хотя в сфере продвижения национального экспорта продовольствия у страны большие интересы.

В итоге все достаточно наглядно – активность в ВТО является отражением эффективности торговой политики страны, отстаивания и продвижения национальных экономических интересов на глобальном уровне. Ряд стран БРИКС - Китай, Индия, Бразилия – можно рассматривать уже как неиспользованный потенциал эволюции ВТО.

¹ ПРАЙМ, 7 июля 2015 г.

² «Азия и Африка Сегодня», 2012

³ В настоящее время в Кернскую группу входят 19 членов ВТО: Аргентина, Австралия, Бразилия, Канада, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Гватемала, Индонезия, Малайзия, Н.Зеландия, Пакистан, Парагвай, Перу, Филиппины, ЮАР, Таиланд, Уругвай и Вьетнам.

Как представляется, Китай, Индия и Бразилия уже добились вполне определенных успехов как в рамках Доха-раунда и рабочих органах ВТО, имеют здесь вес и позиции, включая наличие союзников. Аналогичная ситуация складывается и в других международных и региональных организациях. ЮНКТАД, G-20, помимо этого эти три страны - кандидаты в члены ОЭСР и пр.

Немаловажное значение здесь имеет и система подготовки национальных кадров-специалистов по ВТО, и как их критерий качества – их профессиональная работа. Так, по состоянию на конец 2015 года в Секретариате ВТО работало 647 сотрудников из 80 стран. Китай был представлен, в том числе на руководящих должностях, 14 экспертами (половина – женщины), включая зам генерального директора ВТО, а Бразилия и Индия – по 12 человек. При этом надо учитывать, что действующий Генеральный директор организации – Р. Азеведо из Бразилии.¹

Для сравнения – в Секретариате ВТО 33 сотрудника из США, 22 – из Канады, 5 – из Болгарии, один из ЮАР. Россия представлена только двумя молодыми экспертами на временных контрактах, а из других стран СНГ только одна украинка.

Позиции и активность ряда стран БРИКС уже определяют новые направления деятельности как в Доха-раунде, так и текущей работе ВТО. Проблемы этой международной организации (отсутствие консенсуса – как главного принципа достижения договоренностей в рамках ВТО) во многом определяется тем, что заметно усилились позиции развивающихся стран, причем не только БРИКС, но других динамично формирующихся государств, например, Индонезии и т.д.

В данном случае речь идет не только о достижениях администрации нынешнего Президента Республики Индонезия Дж. Видодо (официально приступила к выполнению своих функций в конце осени 2014 г.), но и их предшественниках, которые закладывали базис современной экономики и внешнеэкономического комплекса страны, а также проводили курс на модернизацию в предыдущие годы. Так, среди пяти приоритетов экономического развития Индонезии - совершенствование системы привлечения ПИИ и поддержка экспортноориентированного производства².

В первом десятилетии XXI века в эпоху динамичного развития глобального хозяйства практически во всех регионах мира и сырьевого бума экономика Индонезии развивалась весьма высокими темпами на фоне общемировых трендов - в среднем 5,6% в

¹ Annual Report 2016. World Trade Organization, p. 173

² О предыдущих этапах развития индонезийской экономики см. Л.Ф.Пахомова Индонезия: выбор модели социально-экономического развития / Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. Т. 14. - М., ИВ РАН, с. 122-144; Пахомова Л.Ф. Модели процветания: Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия, - М., ИВ РАН, 2007, 256 с.

год. В посткризисный период (2010-2015 гг.) данная тенденция сохранилась, и национальная экономика выросла почти на 30%. Так, в 2015 г. рост ВВП страны составил 4,7%, а в текущем году он ожидается на уровне 4,9%.

Вместе с тем, в период новой фазы развития мировой экономики в 2014-2020 гг., для которой, по мнению экспертов Citigroup, будут характерны заметное замедление темпов роста глобального хозяйства в целом и спад конъюнктуры на основных товарных рынках, развитие национальной экономики Индонезии останется на прежнем высоком уровне (5,5%), что выводит страну в группу мировых лидеров устойчивого роста.

Однако здесь необходимо учитывать не только динамику, но и само качество роста национального хозяйства, ведущего к позитивной трансформации социально-экономической структуры Индонезии.

Если в начале 2000-х годов развитие экономики страны было обусловлено т.н. восстановительным ростом (эффект низкой базы) после азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. и точечными достижениями, то впоследствии уже сказывались системные результаты проведения рыночных реформ. Достижения и проблемы эволюции индонезийской экономики за последние пять лет детально представлены в Таблице 3. Дальнейшее будущее страны будет определяться выбором стратегического вектора развития – движение к новому технологическому укладу или предпочтение какого-то «особого пути».

Как показывает мировой опыт, последствия резкого падения цен на нефть и базовые сырьевые товары в 2014-2015 гг. по-разному отразились в двух группах стран-экспортеров ресурсов. Данная неблагоприятная конъюнктура глобальных рынков затронула более половины экспорта Индонезии. Однако современная макроэкономическая политика страны (как в Норвегии или Австралии) продемонстрировала устойчивость в этих условиях: сохранились высокие темпы роста, а национальная валюта была девальвирована всего на 6%.

Хотя еще в конце прошлого века во время азиатского финансового кризиса индонезийская рупия стала лидером падения (35%), а экономика страны находилась в критическом положении¹. Побочным эффектом форсированного экономического роста в тот период стали структурные диспропорции, предопределившие особую уязвимость Индонезии в сложившихся условиях, когда за полгода курс индонезийской рупии упал с 2600 до 14 000 рупий за 1 доллар США, а объем ВВП сократился на 13,7 %².

¹ С. Алексахенко Экономический кризис: Нефть. Рубль. Путин, «Ведомости», 26 августа 2015 г.

² Indonesia: Country Brief. Indonesia: Key Development Data & Statistics. The World Bank (September 2006), p.16

Таблица 3

Динамика основных макроэкономических показателей развития Индонезии в 2011-2015 гг.

	2011	2012	2013	2014	2015
Население (млн.)	241	244	248	251	255
ВВП per capita	3,708	3,764	3,685	3,541	3,379
ВВП (млрд. долл.)	894	920	914	890	862
Прирост ВВП (%)	6.2	6.0	5.6	5.0	4.8
Прирост потребления (%)	5.1	5.5	5.4	5.2	5.0
Инвестиции (%)	8.9	9.1	5.0	4.6	5.1
Промышленное производство (%)	6.3	5.6	4.4	4.6	4.2
Розничная торговля (%)	9.0	14.5	12.9	14.5	13.3
Уровень безработицы (%)	7.5	6.1	6.2	5.9	6.2
Сальдо бюджета (%)	-1.1	-1.8	-2.2	-2.1	-1.9
Государственный долг (% от ВВП)	21.3	21.4	22.0	24.3	27.5
Прирост денежной массы (%)	16.4	15.0	12.8	11.9	8.9
Уровень инфляции (% на конец периода)	3.8	3.7	8.1	8.4	3.4
Базовая ставка процента (%)	6.00	5.75	7.50	7.75	7.50
Фондовый рынок (%)	3.2	12.9	-1.0	22.3	-12.1
Обменный курс рупии к долл. США	9,068	9,638	12,170	12,385	13,788
Сальдо текущего баланса (в % ВВП)	0.2	-2.7	-3.2	-3.1	-2.1
Внешнеторговый баланс (млрд. долл.)	26.1	-1.7	-4.1	-2.2	7.6
Экспорт товаров (млрд. долл.)	203	190	183	176	150
Импорт товаров (млрд. долл.)	177	192	187	178	143
Прирост экспорта (%)	29.0	-6.6	-3.9	-3.6	-14.6
Прирост импорта (%)	30.8	8.0	-2.6	-4.5	-19.9
Международные резервы (млрд. долл.)	110	113	99.4	112	106
Внешний долг (% от ВВП)	25.2	27.4	29.1	33.0	36.0

Источник: Ministry of Trade of Indonesia, Bank Negara Indonesia

Данный пример показывает, что нефть важна для развития, но помимо этого есть и другие факторы, которые оказывают не меньшее, а, может быть, даже большее влияние на то, что происходит в национальном хозяйстве. Зависимость роста экономики и динамики курса валют от цен на нефть - явление объективное, но не определяющее. С другой

стороны, нынешняя кризисная ситуация в экономике других стран-экспортеров ресурсов – Венесуэле, России и Колумбии является примером другого рода.

Среди ключевых задач на современном этапе - ликвидация негативного наследия периода «нового порядка» президента Сухарто¹, в том числе устранение коррупции, кумовства и nepотизма (т.н. триада KKN - Korupsi, Kolusi, Nepotisme). В 2016 г. Индонезия заняла в рейтинге т.н. кумовского капитализма (Crony-capitalism Index), составляемый журналом Economist 7-е место в мире, поднявшись на одну позицию по сравнению с 2014 г.²

Быстрорастущее население Индонезии является как серьезной проблемой, так и потенциалом для развития страны, что требует системных решений. По оценкам ООН, население Индонезии в середине 2016 г. превысило 257,5 млн. человек, и по этому показателю стран занимает четвертое место в мире (почти 3,5% жителей Земли).

На современном этапе экономика Индонезии по уровню развития экономических институтов в глобальном измерении серьезно отстает от ведущих стран мира и даже ряда государств-членов АСЕАН. Так, по индексу глобальной конкурентоспособности ВЭФ в текущем году страна заняла 37-ю позицию в мире (34-я - в предыдущем году); но это достаточно высокое место во многом определяется масштабами страны и ее экономики.

В 2016 году в рейтинге World Bank по условиям ведения бизнеса (Doing Business) Индонезия хотя и достигла 109-го места, поднявшись на 11 позиций по сравнению с предыдущим годом, но ситуация для развития предпринимательства остается в целом неблагоприятной³. Приведенные данные свидетельствуют о том, что Индонезии предстоит пройти еще большой путь по формированию современной экономики.

В середине 2016 г. Президент Видодо провозгласил новый стратегический курс на предстоящие 15 лет, которые должны стать трансформационным периодом для превращения Индонезии в страну с развитой экономикой. В этой связи Дж. Видодо определил три ключевые задачи – дерегулирование экономики на национальном и региональном уровнях с целью снижения бюрократизации и упрощения процедур для ведения бизнеса, развитие инфраструктуры и системы землепользования, а также проведение реформ в правовом сфере для установления верховенства закона для всех граждан страны.

¹ А.Ю. Другов Индонезия – опыт перестройки / Восток (Oriens), 2014, № 1, с. 69

² Авторы рейтинга оценивают общее богатство миллиардеров конкретного государства, чей бизнес лежит в основном в рентных отраслях, склонных к монополизации, госрегулированию и участию государства (игорный бизнес, нефтегазовый и оборонный сектора, угольная промышленность и металлургия, недвижимость и строительство, инфраструктурные проекты, банковское дело), и сравнивают его с объемом ВВП страны. «Comparing crony capitalism around the world», The Economist, L., May 5th, 2016, p.24

³ WEF Global competitiveness report 2015-2016, Geneva, 237 p.; Indonesia Doing Business 2016 / The World Bank, 136 p.

В качестве практических шагов правительством был опубликован т.н. десятый пакет по экономической политике, предусматривающий стимулирование развития новых секторов малого и среднего бизнеса, а также дерегулирования (упрощения) их деятельности¹. Помимо этого, был провозглашен курс «на переход от экономики потребления к экономике производства», в рамках которой предполагается повысить вклад национальной промышленности в ВВП с 23% до 40% в перспективе.

С целью реализации указанных выше инициатив, в июле текущего года был реформирован кабинет министров страны для эффективного решения поставленных задач и достижения нового позиционирования Индонезии в мировой экономике².

В начале XXI века главными драйверами роста глобального хозяйства стали страны БРИКС. При этом формировался второй эшелон достаточно крупных и динамично развивающихся экономик из государств Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, которые могли в перспективе оказать влияние на рост мирового хозяйства в целом. Характерно, что нефтедобывающие страны Ближнего Востока в данном списке не занимали каких-либо значимых позиций³.

Ряд государств мира из этого второго эшелона были включены еще в докризисный период международными экспертами в различные классификации динамично развивающихся государств (помимо БРИКС): например, Emerging Seven (E7) по терминологии ЮНКТАД, Global Growth Generators (GGG) Ситибанка, Next Eleven (N11) Goldman Sachs⁴ и т.д. Характерно, что во всех этих новых группировках присутствовала Индонезия, поэтому вполне закономерно, что страна в 2009 г. была включена в клуб ведущих экономик мира «G-20».

Вместе с тем, эти новообразования пока еще не получили такого признания в экспертном сообществе как БРИКС. Однако в посткризисный период темпы развития в данной группе государств стали не только замедляться, причем одновременно, но и заметно дифференцироваться. В итоге в пятерке стран БРИКС в последние годы лидерами роста оставались лишь Китай и Индия.

Так, по сравнению с 2007 г. глобальная экономика увеличилась в 2015 г. на 120%, при этом ВВП России возрос только на 111% (12-е место по размеру внутреннего валового продукта). Вместе с тем, рост экономики за этот период в Китае достиг 161%

¹ ANTARA, Jakarta, 11 Februari 2016

² ANTARA, Jakarta, 25 juli 2016

³ См. Пахомов А.А. БРИКС набирает вес: страны БРИКС в мировом «клубе инвесторов» / Азия и Африка сегодня. 2012. № 4 (657). С. 16-23

⁴ Так, в состав Next Eleven (N11) были включены Мексика, Нигерия, Египет, Турция, Иран, Пакистан, Бангладеш, Индонезия, Вьетнам, Ю.Корея и Филиппины, Джим О'Нил – создатель аббревиатуры БРИК – предложил новый термин для этой группы стран – «экономики роста».

(2-е место), в Индии – 152% (7-е), а в Бразилии и ЮАР – 113% (соответственно, 9-я и 33 позиции). При этом рост ВВП в Индонезии за эти годы составил 168%.¹

По данным ключевых международных финансово-экономических организаций (МВФ, ВБ и пр.) по итогам 2015 г. Индонезия занимала 16-ю позицию в мире по объему национального ВВП в номинальном выражении (859 млрд. долл.), что составляло 1,1% глобального валового продукта. В то же время подушевой доход в стране (GDP per capita) был крайне низким - 3 412 долл. и был в три раза ниже среднемирового уровня. По данному показателю в 2015 г. Индонезия занимала только 119-е место в рейтинге МВФ.²

Согласно исследованию МВФ динамики роста в странах БРИКС, проведенного еще осенью 2013 г., этот феномен разнотемпного роста обусловлен синхронным действием фундаментальных циклических и структурных факторов мирового хозяйства, включая низкую конъюнктуру на глобальных сырьевых рынках, а также проблемами внутренней экономики³. В последние годы уже проявилось явное замедление, возможно затяжное, экономики Китая.

В этих условиях эксперты активизировали поиск и выявление новых потенциальных лидеров долгосрочного роста в мировом хозяйстве. Так, в начале 2015 г. было опубликовано исследование PricewaterhouseCoopers (PwC) «Мир в 2050 году: будет ли продолжаться сдвиг в глобальной экономической мощи?», основанное на применении модели экстраполяции динамики ВВП ведущих развитых и динамично развивающихся стран мира.⁴

Основной вывод данной работы заключается в том, что государства с формирующейся рыночной экономикой, такие как Индонезия, Бразилия и Мексика, имеют достаточный потенциал для того, чтобы уже к 2030 г. не только догнать, но и опередить страны Западной Европы - Великобританию и Францию - по объему ВВП, пересчитанному по паритету покупательной способности (ППС)⁵.

При этом к 2030 г. по оценкам PwC Индонезия способна подняться на 4 ступени и достичь пятой позиции, а к 2050 г. – даже четвертого места в данном глобальном рейтинге, и по объему ВВП будет отставать от находящихся на третьей позиции США всего в 3,5 раза (сейчас разрыв составляет 6,8 раза). Следует подчеркнуть, что взгляды исследователей на перспективы Индонезии за последнее время заметно изменились в

¹ Рассчитано автором по данным МВФ за соответствующие годы.

² IMF Data base 2016 – Indonesia: <http://www.imf.org/external/np/sec/pr/2016/pr16104.htm>

³ IMF World Economic Outlook (WEO) «Transitions and Tensions», October 2013

⁴ «Коммерсантъ # Власть», 12 мая 2015 г.

⁵ PwC «The World in 2050: Will the shift in global economic power continue? », L., 10th February, 2015, 46 p.; http://www.pwc.ru/ru/press-releases/2015/economic_forecast_2050.html, РБК, 11 февраля 2015 г.

позитивном направлении - в 2013 г. они предсказывали стране лишь 8-е место в этом списке к 2050 г. (см. таблицу 4).

Таблица 4

Прогнозный рейтинг стран по размеру ВВП (млрд. долл.)*

2014 (факт)			2030 (прогноз)			2050 (прогноз)		
N	Страна	Объем ВВП	N	Страна	Объем ВВП	N	Страна	Объем ВВП
1.	Китай	17 632	1.	Китай	36 112	1.	Китай	61 079
2.	США	17 416	2.	США	25 451	2.	Индия	42 205
3.	Индия	7 277	3.	Индия	17 138	3.	США	41 384
4.	Япония	4 788	4.	Япония	6 006	4.	Индонезия	12 210
5.	Германия	3 621	5.	Индонезия	5 486	5.	Бразилия	9 164
6.	Россия	3 559	6.	Бразилия	4 996	6.	Мексика	8 014
7.	Бразилия	3 071	7.	Россия	4 854	7.	Япония	7 914
8.	Франция	2 587	8.	Германия	4 590	8.	Россия	7 575
9.	Индонезия	2 554	9.	Мексика	3 985	9.	Нигерия	7 345
10.	Великобритания	2 435	10.	Великобритания	3 586	10.	Германия	6 338

* Рассчитан на основе базы данных МВФ по паритету покупательной способности в постоянных ценах 2014 г. в долларах США

Источник: PwC «The World in 2050: Will the shift in global economic power continue?», L., 10th February, 2015, 46 p.

Однако такой гипотетический взлет возможен, если Индонезия «продолжит осуществлять политику, направленную на создание условий для устойчивого экономического роста в стране», включая поддержание сильной промышленной базы, пишут авторы доклада PwC¹.

Характерно, что фактически аналогичные прогнозы содержатся в специальном докладе авторитетной исследовательской группы Economic Intelligence Unit (EIU) «Долгосрочный экономический прогноз: ключевые тенденции до 2050 года», опубликованном в середине 2015 г.² Согласно результатам данного исследования, Китай в 2026 г. по объему ВВП опередит США, а к 2050 г. китайская экономика (105 трлн. долл.) будет уже в полтора раза больше американской (71 трлн. долл.). При этом Индия с показателем в 64 трлн. долл. почти догонит Соединенные Штаты.

Экономики Индонезии и Мексики, которые в 2014 г. находились на 16-м и 15-м местах в мире, поднимутся соответственно до четвертой и восьмой позиций, отодвинув Россию и Италию из первой десятки. В целом предполагается, что в 2050 г. на страны Азии будет приходиться 53% мирового ВВП по сравнению с 25% в 2000 г. и 32% в 2014 г.

¹ Ibidem.

² «Long-term macroeconomic forecasts: Key trends to 2050», A special report from The Economist Intelligence Unit, L, 15 p. http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=ForecastingTo2050

Конечно же, данные прогнозы экспертов не следует рассматривать как некую догму и предопределенность успешного развития Индонезии - скорее это аванс и обоснованная оценка потенциала для перспективного роста. Необходимо понимать, что многое зависит от последовательности местных властей в проведении реформ, благоприятной конъюнктуры мирового рынка, отсутствия серьезных внутренних шоков и прочих предпосылок, чтобы теоретические предсказания превратились в реальность¹.

С ростом потребления нефти на фоне сокращения ее добычи и уменьшения запасов ископаемого топлива, согласно мнению главы крупнейшей частной нефтяной компании Индонезии «Medko Energy» Арифина Панигоро, необходимо более серьезно относиться к разработке альтернативных источников энергии в Индонезии, особенно возобновляемых. Также приоритетом развития для достижения самодостаточности в энергообеспечении должно быть использование биотоплива на основе пальмового масла.²

В то же время запасы нефти в Индонезии быстро истощаются, в результате чего сокращается производство и растет зависимость от ее импорта. Согласно оценкам в ближайшие 10 лет в стране внутренний спрос на энергоресурсы достигнет 7,7 млн. баррелей нефтяного эквивалента в день, из которых 2 миллиона баррелей, будут приходиться на топливо³.

Если правительственная программа развития альтернативной энергетики будет неудачной, то потребность в топливе возрастет до 3 млн. баррелей в день в 2025 году. В Индонезии добыча нефти достигла 794 тыс. барр. в день в 2014 г. и, как ожидается, сократится до 453 тыс. барр/день в 2025 г. При этом текущий объем запасов нефти составил в стране около 3,7 млрд. баррелей при растущем тренде энергопотребления⁴.

Поэтому использование «зеленого дизеля» на базе сырого пальмового масла (СПМ) может, по мнению местных экспертов, стать оптимальным решением для достижения самодостаточности в сфере энергетики, учитывая, что Индонезия является крупнейшим в мире производителем пальмового масла - здесь производится около 30 млн. тонн продукции в год, что составляет 47% мирового рынка СПМ.

В этой связи на повестке внешнеэкономической политики Индонезии все еще стоит проблема болезненного перехода от традиционного экспорта углеводородов и других природных ресурсов к вывозу несырьевой продукции. Заметное сокращение добычи и экспорта нефти в стране даже привели к тому, что Индонезия с января 2009 г.

¹ Информационное агентство Regnum, 26 июня 2015 г.

² «RI one of world's 5 largest economies by 2030, says PWC», The Jakarta Post, March 17, 2015

³ Ibidem

⁴ Сейчас Индонезия импортирует произведенные, в частности, из российской нефти нефтепродукты в основном из Южной Кореи и Сингапура. В 2005 г. страна добывала 71 млн. т нефти, в 2015 г. – 38 млн. т, а к 2030 г. предполагается добыча на уровне 11 млн. т.

приостановила своё членство в ОПЕК, так как стала нетто-импортером нефти. Индонезия продолжает вывозить в легкую нефть, однако импортирует большие объемы тяжелой нефти. Такой подход был экономически оправдан, так как цена легкой нефти на мировом рынке, в данном случае, выше.

1.2. Новые динамично развивающиеся государства

В эпоху глобализации для поступательной динамики роста национальной экономики большое значение имеет становление современной системы внешнеэкономических связей (ВЭС) и проведения адекватной политики в данной области. Формально являясь т.н. вторичным сектором экономики, ВЭС в настоящее время становится ключевым и проактивным фактором развития Индонезии. Так, соотношение объемов внешней торговли к ВВП страны за 2012-2014 гг. в среднем составило 47%.

Однако, говоря о перспективах страны в данной сфере необходимо учитывать не только традиционный вывоз товаров, но и развитие других форм нетоварного экспорта: поставки коммерческих услуг, трансфер технологий, вывоз предпринимательского капитала и пр.

Поэтому проведение Министерской конференции (высшего органа ВТО) на Бали в 2013 г. отражает признание заслуг страны мировым сообществом и ее растущее влияние¹, в том числе в области достижения первых практических результатов в рамках т.н. Дохийского раунда многосторонних торговых переговоров, начавшихся еще в 2001 г. Генеральный Директор ВТО Р.Азеведо, находясь в Джакарте весной 2016 г., также отметил успехи Индонезии в макроэкономической политике, что в определенной мере связано с последовательной реализацией в стране пакета Соглашений ВТО.

В последние годы индонезийская сторона заметно активизировала свое участие в деятельности Органа по разрешению споров (ОРС) ВТО. Так, крупного успеха Индонезия добилась осенью 2014 г. в споре с США, который тянулся более четырех лет, по вопросу запрета производства и продаж с середины 2009 г. на американском рынке ароматизированных (кроме ментоловых) табачных изделий, в том числе традиционных индонезийских сигарет с гвоздикой (*kretek*)².

Весной 2010 г. индонезийская сторона подала иск в ОРС по поводу дискриминации страны в упомянутом выше деле (кейсе). В соответствии с установленными процедурами были проведены двусторонние консультации, дело

¹ Республика Индонезия стала полноправным членом Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) – предшественника ВТО - в феврале 1950 г., а также является государством-учредителем Всемирной торговой организации в 1995 г.

² The Jakarta globe, 8 October 2014.

рассматривалось специальной третейской группой («панелью») и апелляционным органом, и в итоге американская сторона была признана виновной.

В итоге были нарушены базовые правила ВТО, поэтому у США было мало шансов урегулирования по делу, и они проиграли этот спор, уступив аргументации индонезийской стороны. В итоге Индонезия получила не только традиционную материальную компенсацию, но и в порядке исключения другие уступки от США в сфере двусторонних торгово-экономических отношений.

Особый интерес представляет вопрос, как был реализован вердикт панели и апелляционного органа, поскольку он отличается от классической практики компенсации (или права на ответные меры) за счет традиционного снижения импортных тарифов на другие товары выигравшей стороны¹. После дополнительных консультаций индонезийской делегации с американской стороной были достигнуты следующие договоренности:

- основная компенсация состоит в расширении льгот для Индонезии в рамках Генеральной системы преференций (GSP) США на сумму 55 млн. долл.;
- отмена запрета на сигары и сигареты индонезийского производства;
- обязательство США не возбуждать иск в ВТО по поводу эмбарго Индонезии на экспорт ряда товаров добывающих отраслей (бокситы и пр.);
- расширение сотрудничества по интеллектуальной собственности, вплоть до признания США т.н. географических указаний индонезийской табачной продукции;
- также стороны договорились интенсифицировать взаимодействие в рамках двустороннего рамочного соглашения по торговле и инвестициям (TIFA).²

Для Индонезии это еще и моральная победа, когда развивающаяся страна, защитившая свои права в ВТО, выиграла спор у ведущей торговой державы мира. Это достижение стимулировало ее дальнейшую активность в ОРС. В частности, на повестке стоит второй спор по сигаретам с Австралией против Индонезии, Украины и ряда других стран, что вызывает большой практический интерес. Кроме того, в последнее время в Индонезии был принят ряд ограничительных мер в сфере импорта товаров, что повлекло за собой рост исков в ОРС со стороны других государств.

В итоге по состоянию на середину 2016 г. Индонезия является истцом по 10 кейсам (включая три в отношении США, по два – против ЕС и Японии); ответчиком по 14 делам

¹ Это второй кейс такого рода после того, как Бразилия в 2013 г. выиграла спор у США по хлопковым субсидиям. Стороны пришли к договоренности, что США будут выплачивать Бразилии 300 млн. долл. ежегодно в качестве компенсации. Таким образом, установлены два важных и новых прецедента, которые могут использоваться и в других спорах в рамках ОРС.

² Ministry of Trade of Indonesia. «Indonesia and the United States Agree to Stop Clove Cigarette Case». Press release, Jakarta, 7 October 2014

(четыре со стороны США, по два от Японии, Н.Зеландии и ЕС), а также выступает т.н. третьей стороной еще в 13 различных спорах¹.

Во многом эта ситуация обусловлена активной и наступательной торговой политикой Индонезии по продвижению своих интересов на ключевых внешних рынках, так защитой внутренней экономики от импортной продукции. Таким образом, современная внешнеэкономическая политика Индонезии носит неоднородный характер, и включает как элементы либерализации (иногда декларативной), так и протекционистские методы (в отдельных случаях – популистского характера).

Так в середине 2015 г. в стране были резко увеличены (на ряд товаров в 4 раза) ввозные пошлины на чай, кофе, другие продукты питания, батик, а также автомобили и алкоголь. Помимо этого, были введены дополнительные нетарифные меры на импортную продукцию, включая расширение требования «местного компонента» при сборке смартфонов и других гаджетов.

При этом необходимо подчеркнуть, что эффективность внешнеэкономической политики страны во многом обусловлена становлением национальной школы профессионалов в данной сфере, как и в ряде других развивающихся стран-активных игроков на мировом рынке. В основе этого процесса лежат изучение фундаментальных первоисточников в сфере международного права и мировой экономики, применение современных методик торговой политики, а также использование национальных особенностей при проведении переговоров.

В итоге совмещение энергичной внешнеторговой политики и последовательности в проведении внутренних реформ дает необходимый синергетический эффект для поступательного развития национального хозяйства в рамках реализации нового экономического курса правительства Индонезии.

События, происходящие в Индонезии на современном этапе, необходимо рассматривать в общем контексте развивающихся глобальных экономических и интеграционных процессов не только в Юго-Восточной Азии, но и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Здесь прослеживаются взаимосвязи и взаимовлияние этих процессов, которые создают новую предпринимательскую среду в стране.

Что касается непосредственно Индонезии, то значимость этой страны возрастает в контексте двух конкурирующих проектов - договоре о Транстихоокеанском партнерстве и Региональном всестороннем соглашении об экономическом сотрудничестве². Это

¹ https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/indonesia_e.htm

² Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) - Региональное всестороннее соглашение об экономическом сотрудничестве, или «АСЕАН+6».

программные документы по созданию масштабных зон экономических отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и даже заявка на то, что международная торговая система будет организована на принципиально новых началах.

В настоящее время происходит постепенное размывание универсальных постулатов международных экономических отношений в рамках ВТО региональными правилами, которые готовятся замкнутым кругом стран. При этом Индонезия уже объявила, что собирается войти в число этих государств. Поэтому важно изучение не только данного региона мира, где формируются элементы новой международной системы, но и внешнеэкономической политики Индонезии, которая в данном устройстве может играть далеко не последнюю роль¹.

В этой связи представляется, что индонезийское руководство должно проводить весьма сбалансированную стратегию, с одной стороны, сохраняя приверженность договоренностям в рамках АСЕАН и других региональных группировок, а с другой – продвигать национальные экономические интересы в новом устройстве мирового хозяйства.

Ведущей формой внешнеэкономических отношений Индонезии на современном этапе остается торговля товарами. В этой связи показательным является динамика позиций страны в рейтинге ВТО, который в целом отражает конкурентоспособность конкретных государств на глобальных рынках товаров и услуг. Так, согласно данным ВТО, в 2015 г. экспорт товаров из Индонезии составил 150 млрд. долл. (-2,5% к предыдущему году) и этому по показателю страна заняла 30-е место в мире. Импорт товаров достиг 143 млрд. долл. (-20,0% к 2014 г.), что также соответствует тридцатой позиции в глобальном измерении².

В 2015 г. товарная структура экспорта страны по укрупненным позициям была следующей: углеводороды и минеральные ископаемые - 40,2 %, сельхозтовары - 33,9% и промышленные изделия - 25,0%. В сфере импорта доминировали промышленные товары - 58%, углеводородное и минеральное сырье - 27,9%, а также аграрная продукция - 12,5%.

В целом доля Индонезии в мировой торговле в 2015 г. составила 0,9%, т.е. ниже ее удельного веса в глобальном ВВП (1,1%), что свидетельствует о наличии потенциала для более глубокого участия страны в международном товарообороте. При этом именно промышленный экспорт может стать одним из ключевых драйверов экономического

¹ Ф.Лукиянов Азия становится местом самых главных мировых процессов, «Российская газета», 24 ноября 2015 г.

² «Trade growth to remain subdued in 2016 as uncertainties weigh on global demand», WTO, PRESS/768, 7 April 2016, p. 13

развития Индонезии, как это и произошло ранее в новых индустриальных государствах Юго-Восточной Азии.

Прежде всего, речь идет о вывозе ненефтяной продукции - товаров обрабатывающей промышленности, и поставок услуг за счет наращивания темпов их роста, расширения номенклатуры и стоимостных объемов. В настоящее время индонезийское руководство намерено стимулировать экспорт готовой одежды, мебели и ювелирных изделий как наиболее перспективные направления вывоза.

Характерно, что в посткризисный период позиции Индонезии в мировой торговле (по рейтингу стоимостных объемов) практически не менялись, что свидетельствует о том, что рост экспортно-импортных операций страны в целом совпадает с основными трендами глобального товарооборота. В целом это нестандартная ситуация для других динамично развивающихся государств, где темпы роста экспорта, как правило, опережали динамику ВВП.

Система регулирования внешнеэкономического комплекса Индонезии формируется, прежде всего, на основе норм и правил ВТО, а также базовых договоренностей, достигнутых в рамках Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)¹. Основными направлениями развития внешнеэкономических связей страны на современном этапе является их либерализация и заключение преференциальных торговых соглашений на дву- и многостороннем уровнях.

В этой связи росту импорта способствует достаточно либеральный режим ввоза в Индонезии. В 2014 г. средняя (арифметическая) ставка ввозной таможенной пошлины на промышленные и сельскохозяйственные товары составила соответственно 6,7% и 7,5%, а количество специфических и комбинированных импортных пошлин стало минимальным. Помимо этого, в 2014 г. 41% аграрной продукции и 48,5% промышленных изделий ввозилось в страну беспошлинно как в рамках обязательств по ВТО, так и соглашений о Зоне свободной торговли АСЕАН и двусторонних договоров с рядом других государств.

В итоге доля импортных пошлин в общих налоговых поступлениях страны составляет всего 2,5%, поэтому таможенный тариф Индонезии не несет серьезной фискальной нагрузки, а выполняет свою классическую функцию – регулятора экономической конкуренции.

¹ 22 ноября 2015 г. в Малайзии 10 государств Юго-Восточной Азии подписали Договор о сообществе АСЕАН, предусматривающий глубокую региональную интеграцию в сфере экономики, политики и административной деятельности, включая создание Единого экономического пространства АСЕАН. Членами Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), функционирующей с 1967 г., являются: Малайзия, Индонезия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам, Мьянма, Камбоджа, Лаос и Бруней.

При этом необходимо отметить, что уровень «связывания» импортного тарифа (который покрывает свыше 96% тарифных позиций) по обязательствам Индонезии в ВТО составляет для промышленных изделий 35,6% и сельскохозяйственных товаров (кроме рыбы и морепродуктов) - 47,1%.¹

С одной стороны, в настоящее время эти параметры формируют достаточно привлекательный режим для иностранных поставщиков, но с другой стороны, такая ситуация создает элемент неопределенности, т.к. в любой момент Индонезия вполне легально может резко поднять импортные ставки (теоретически более чем в шесть раз) на отдельные товарные группы вплоть до запретительного уровня. В частности, в 2015 г. в стране были резко повышены ввозные пошлины на ряд продовольственных и потребительских товаров.

В настоящее время Индонезия является участником нескольких преференциальных торговых соглашений (ПТС), в которых задействовано 16 партнеров, включая девять государств-членов АСЕАН. Еще шесть стран имеют с Ассоциацией соглашения о свободной торговле на двусторонней основе (Австралия, Новая Зеландия, Китай, Япония, Ю.Корея и Индия), которые в итоге являются ведущими торговыми контрагентами страны (см. таблицу 5).

При этом необходимо подчеркнуть, что до недавнего времени индонезийское руководство сдержанно относилось к расширению участия страны в различных ПТС с зарубежными партнерами. Однако в последнее время эта позиция стала меняться, т.к. Индонезия намерена повысить конкурентоспособность экономики, прежде всего, на региональном уровне.

Таблица 5.

Товарооборот Индонезии с основными партнерами в 2015 г.

Страны	<i>Стоимость (млрд. долл.)</i>			<i>Прирост (%)</i>		
	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт
Всего	293,0	150,3	142,7	-17,3	-14,8	-19,9
АСЕАН	70,9	32,4	38,5	-19,8	-15,4	-23,2
КНР	44,4	15,0	29,4	-7,8	-14,5	-4,0
Япония	31,3	18,0	13,3	-22,1	-22,1	-22,0
Сингапур	30,7	12,7	18,0	-26,9	-24,5	-28,4
ЕС	26,1	14,8	11,3	-11,9	-12,5	-11,1
США	23,8	16,2	7,6	-3,5	-1,8	-7,1
Малайзия	16,1	7,6	8,5	-21,5	-21,6	-21,4
Р. Корея	16,1	7,7	8,4	-28,4	-27,8	-28,9

¹ Согласно правилам ВТО «уровень связывания» - это максимально допустимые ставки импортных пошлин, которая страна может применять в своей внешнеторговой политике в рамках принятых обязательств по тарифным уступкам в этой организации.

Индия	14,4	11,7	2,7	-10,8	-4,4	-30,6
Таиланд	13,6	5,5	8,1	-12,7	-4,8	-17,4
Тайвань	8,2	5,0	3,2	-19,4	-21,6	-15,6
Австралия	8,5	3,7	4,8	-19,8	-25,6	-14,7
Германия	6,1	2,7	3,4	-11,2	-5,6	-15,1
Саудовская Аравия	5,5	2,1	3,4	-36,8	-4,4	-47,5
Вьетнам	5,9	2,7	3,2	+0,6	+11,8	-7,5
Филиппины	4,6	3,9	0,7	+0,4	+0,9	-2,9
Нидерланды	4,2	3,4	0,8	-13,6	-13,6	-13,6
Гонконг	3,9	2,1	1,8	-16,2	-25,9	-1,9
Бразилия	3,6	1,1	2,5	-11,4	-22,2	-5,0
ОАЭ	3,3	1,9	1,4	-22,9	-23,0	-22,7
Италия	3,2	1,9	1,3	-19,2	-18,1	-20,6
Великобритания	2,3	1,5	0,8	-8,1	-7,9	-8,9
Канада	2,3	0,7	1,6	-10,9	-4,3	-13,5
Франция	2,3	1,0	1,3	-1,8	-4,6	+0,3
Пакистан	2,2	2,0	0,2	-1,8	-2,7	+9,5
Россия	1,986	0,994	0,992	-24,8	-5,6	-37,6
Испания	1,95	1,48	0,47	-20,4	-23,6	-8,6
Бельгия	1,7	1,1	0,6	-7,2	-8,5	-4,5
Швейцария	1,7	1,1	0,6	+124,0	+700,1	+1,1
Турция	1,4	1,2	0,2	-43,1	-19,9	-75,8
Египет	1,4	1,2	0,2	-3,1	-10,7	+66,6
Новая Зеландия	1,0	0,4	0,6	-18,5	-9,4	-23,8
Мексика	1,0	0,8	0,2	-1,6	-3,2	+5,4

Источник: составлено по данным Министерство торговли Республики Индонезии и Банка Индонезии

Так, в конце 2015 г. было принято политическое решение о возможности начала переговоров о присоединении к Транстихоокеанскому партнерству/ТПП (Trans-Pacific Strategic Economic Partnership /TPSEP)¹. Данное мега-объединение 12 государств следует отметить особо, т.к. оно, базируясь на нормах ВТО, формирует региональное интеграционное соглашение т.н. продвинутого типа и охватывает принципиально новые сферы взаимодействия. ТПП создается по инициативе США, которые тщательно выбирают будущих участников этой группировки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, исходя не только из их природно-экономического потенциала, но и проводимого внешнеэкономического курса.

Также руководство страны намерено в ближайшее время начать переговоры по Всеобъемлющему соглашению об экономическом партнерстве с ЕС (IEU-CEPA), предусматривающий создание зоны свободной торговли (ЗСТ), а также рассматривает возможность присоединения к договору о Региональном всестороннем экономическом

¹ «Indonesia must join multilateral trade pacts: Jokowi», The Jakarta post, January 29, 2016

партнерстве (RCEP) между АСЕАН и шестью государствами – партнерами в АТР, включая Китай.

Помимо этого, Индонезия планирует в ближайшее время заключить на двустороннем уровне соглашения о ЗСТ с Австралией, Пакистаном и рядом других стран. В отдаленной перспективе, возможно, начало подобных переговоров с Украиной и даже Евразийским экономическим союзом (по инициативе России).

Пока области других форм внешнеэкономической деятельности позиции Индонезии в мире не столь значительны. Так, в рейтинге глобальной торговли коммерческими услугами показатели Индонезии в 2015 г. были следующими: экспорт – 17 млрд. долл., импорт – 31 млрд., что соответствует 38-й и 31-й позициям в мире.¹

В целом доля страны в глобальной торговле услугами составляет всего около 0,5%. Для данной сферы торговли Индонезии характерен хронический дефицит, хотя в 2010-2015 гг. поставки коммерческих услуг на мировой рынок росли опережающими темпами – 9% в среднем за год по сравнению с их импортом (6%), и тем более торговле товарами (всего 3%)².

Формирование основ нового технологического уклада в Индонезии происходит за счет развития сферы услуг: в 2014 г. в этом секторе национального хозяйства производилось свыше трети добавленной стоимости, и было занято свыше 40% экономически активного населения. В целом правовой режим регулирования в данной сфере достаточно жесткий для зарубежных экономических операторов, т.к. страна приняла обязательства в рамках ВТО по либерализации доступа иностранных поставщиков на внутренний рынок только по 45 из 155 существующих подсекторов по Классификатору услуг.

Основу экспортных поставок Индонезии в 2014 г. в этой сфере были поездки (45%) и транспортные услуги (17%). Потребляемые зарубежные услуги также проходят по статьям «транспортные услуги» (36%) и «поездки» (23%). Во многом подобная структура обусловлена географическим положением страны, его транзитным потенциалом и развитием сферы туризма.

Вместе с тем, в последние годы в структуре импорте растет доля т.н. деловых и наукоемких услуг (в том числе финансовых, информационных и телекоммуникационных),

¹ «Trade growth to remain subdued in 2016 as uncertainties weigh on global demand», WTO, PRESS/768, 7 April 2016, p. 15

² Ibidem.

что свидетельствует о проводимых в Индонезии структурных реформах в экономике и модернизации отдельных отраслей ¹.

Однако в области трансфера технологий и информации Индонезия является нетто-импортером и практически полностью зависит от иностранных источников инноваций, а ее экспортный потенциал, включая патентование национальных результатов интеллектуальной деятельности за рубежом, в этой важной сфере практически отсутствует. Поэтому в приоритеты технологической политики Индонезии входит преодоление отставания страны в науке и технологиях по следующим направлениям – ресурсосбережение, атомная энергетика и возобновляемые источники энергии.

Вместе с тем, в области трансграничного капиталодвижения страна занимает более весомые позиции. В нынешнем десятилетии Индонезия вошла в двадцатку крупнейших реципиентов прямых иностранных инвестиций (ПИИ), а в 2014 г. по этому показателю даже достигла 14-го места в мире (22,6 млрд. долл.), что составляет 1,8% глобального притока ПИИ. В этом контексте показательно, что Индонезия по объемам поступившего предпринимательского капитала занимала второе место среди всех стран-членов АСЕАН после Сингапура.

Столь высокие позиции свидетельствуют не только о привлекательности природно-экономического потенциала страны для зарубежных инвесторов, но и достаточно адекватной политике руководства Индонезии в сфере законодательства и его правоприменения в отношении привлечения ПИИ. В итоге в 2014 г. доля накопленного зарубежного предпринимательского капитала в ВВП страны превысила 28%, что доказывает значимость ПИИ в проведении реформ и модернизации экономики.²

Однако в 2015 г. приток иностранных инвестиций в страну прямых иностранных инвестиций заметно снизился – до 15,5 млрд. долл. Этот негативный тренд привел к необходимости создания более привлекательных условий для привлечения ПИИ в страну и снятия ряда ограничений для деятельности иностранного капитала. Так, в 2016 г. Орган по координации инвестиций - Badan Koordinasi Penanaman Modal (BKPM) - разработал три схемы для улучшения обслуживания инвесторов в Индонезии.

Так, первая схема предполагает создание центра для посредничества в случае инвестиционных споров. Данную идею предложили зарубежные компании и послы, активно взаимодействующие с BKPM, поскольку в последнее время между бизнесом и правительством возникает много споров, касающихся инвестиций. Вторая схема – это облегчение инвестирования для представителей индонезийской диаспоры за рубежом (не

¹ WTO Trade Profiles - 2015, Geneva, October 2015, p.91

² UNCTAD World Investment Report, Geneva, 2016, 238 p.

менее 8 млн. человек). Третья схема предлагает особые условия для капиталовложений участникам налоговой амнистии. Если бизнесмены захотят инвестировать раскрытые средства, ВКРМ будет осуществлять сопровождение проектов и содействие таким инвестициям, в т.ч. путем выделения специального сотрудника для каждого проекта.

С середины 2000-х годов в Индонезии проявилась новая тенденция - начался устойчивый экспорт национального предпринимательского капитала за рубеж – в основном в соседние страны региона Восточной и Юго-Восточной Азии. Этот процесс находится в стадии становления и потоки вывозимых капиталов относительно невелики - в среднем по 6,5 млрд.долл в 2012-2015 гг. (примерно 0,6% глобального вывоза ПИИ).

Но эта тенденции свидетельствуют о включении в глобальные цепочки создания добавленной стоимости крупных частных и государственных национальных компаний (Lippo group, PT Pertamina, Indofood, Mandiri Bank) и их постепенном превращении в транснациональные корпорации.

Должное внимание в Индонезии уделяется и традиционным двусторонним торгово-экономическим связям с различными государствами мира, в том числе с Россией. При этом установление торговых контактов между Голландской Индией и царской Россией произошло еще в конце XIX века. За прошедшие годы экономические отношения между независимой Индонезией и СССР переживали взлеты и падения, чтобы было обусловлено политико-идеологическими факторами, но никогда не прерывались.

В современной истории внешнеэкономические связи Российской Федерации и Республики Индонезии носили вялотекущий характер и в целом базировались на традиционном обмене отечественных удобрений и машинотехнических изделий на продукцию тропического земледелия Индонезии. Однако после 2014 г., когда в России был провозглашен «поворот на Восток», большое внимание российского руководства (помимо Китая) уделялось расширению сотрудничества со странами АСЕАН, прежде всего, Индонезией.

1.3 Страны СНГ: общие черты и особенности

Участие во Всемирной торговой организации (ВТО) стран Содружества Независимых Государств (СНГ)¹, включая членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), является одной из наименее исследованных проблем в части комплексного анализа не только в России, но и других государствах постсоветского пространства. Причем деятельность в ВТО необходимо рассматривать в двух аспектах: первый - как фактор воздействия на реализацию национальной внешнеэкономической политики, и второй – как правовую основу формирования интеграционных процессов, в том числе в рамках СНГ и ЕАЭС.

В настоящее время ВТО, несмотря на существующие проблемы, является влиятельной международной организацией, под эгидой которой действуют многосторонние правила регулирования внешнеэкономической деятельности для подавляющего числа стран мира и охватывающие 98% глобальной торговли товарами и услугами.

Необходимо принимать во внимание, что в настоящее время большинство государств постсоветского пространства (включая страны Балтии) уже стали членами Всемирной торговой организации. Еще три государства - Азербайджан, Белоруссия и Узбекистан - находятся на различных стадиях присоединения к ВТО². Исключением является Туркмения, которая так и не стала наблюдателем в этой организации в силу своего понимания нейтрального статуса государства. При этом следует подчеркнуть, что страны-соискатели начинают имплементировать нормы и правила ВТО в национальное законодательство и правоприменительную практику еще на стадии присоединения.

Важно отметить, что конкретные условия присоединения у всех стран разные, и подчас эти различия существенные (*табл.7*). Такое положение определяется в целом экономическим потенциалом страны: чем он обширней – тем больше требований возникает у стран-членов ВТО, а также сложнее и дольше проходит процесс переговоров.

Можно констатировать, что большая часть экономического пространства СНГ уже в значительной степени включено в сферу действия многосторонней торговой системы. Вместе с тем, как показывает практика, говорить о каких-то значимых достижениях стран СНГ, включая участников ЕАЭС, во Всемирной торговой организации пока не приходится.

¹ В настоящее время *de jure* в состав СНГ входят 9 стран, включая пять участников ЕАЭС. Еще два государства (Туркменистан и Украина) *de facto* имеют статус наблюдателей в этой организации.

² Более подробно о деятельности ВТО и процедурах присоединения см. *Пахомов А.А.* Договоренности Уругвайского раунда и эволюция ВТО, Вопросы экономики. 2000. № 8. С. 146-158.

Таблица 7.

Сроки и параметры системных обязательств присоединения стран СНГ и ряда других государств, ставшие членами ВТО после 1995 г.

Страна	Дата присоединения	Длительность присоединения	Объем Доклада, стр.*	Количество обязательств в Докладе*
Киргизия	1998	Менее 3 лет	62	29
Грузия	2000	4 года	57	29
Молдова	2001	7,5 лет	83	28
Китай	2001	15,5 лет	183	82
Армения	2003	Более 8 лет	80	39
Саудовская Аравия	2005	12 лет	135	59
Вьетнам	2007	12,5 лет	198	70
Украина	2008	14,5 лет	237	64
Россия	2012	Более 19 лет	771	164
Таджикистан	2013	Почти 12 лет	135	40
Казахстан	2015	Почти 20 лет	447	118
Афганистан*	2016	14,5 лет	138	37

Страны-наблюдатели в стадии присоединения

Азербайджан		19,5 лет	Продвинутая стадия переговоров
Узбекистан		Почти 22 года	Начальная стадия переговоров
Белоруссия	-	23 года	Переговоры заморожены <i>de facto</i> с 2007 года

* Доклад Рабочей группы (Working Party Report) по присоединению страны-соискателя к ВТО.

Источник: составлено авторами по Technical Note on the accession process. Note by the Secretariat, WT/ACC/10/Rev.4, 11 January 2010, p.11–12; Доклады соответствующих Рабочих групп; официальный сайт ВТО www.wto.org.

За последние 10-15 лет делегации стран СНГ ни в текущей деятельности ВТО, ни в рамках Доха-раунда пока практически никак не показали себя с конструктивной стороны, а скорее проявили крайне пассивную позицию. Даже в Органе по разрешению споров (ОРС), кроме России и Украины, их активность практически не заметна и они выступают по отдельным спорам в качестве ответчиков.

Более того, в силу сложившейся геополитической ситуации ВТО стала новой площадкой для публичного выяснения отношений России и Украины¹. Речь идет не только о нескольких взаимных исках, но и резких заявлениях при обсуждении национальных Обзоров торговой политики (ОТП), дискуссий по различным проблемам в комитетах и рабочих органах ВТО. В перспективе можно ожидать эскалации этой

¹ Характерно, что по состоянию на октябрь 2016 г. из восьми дел Украины в ОРС - шесть связаны с взаимными исками Армении, Молдовы, Киргизии и России.. Dispute cases involving Ukraine/www.wto.org

ситуации, связанной, в частности, с новым иском Украины к России в отношении ограничения свободы транзита, что является одним из основных постулатов ВТО.

Кроме того, необходимо учитывать, что позиции России и ее партнеров по ЕАЭС в мировой экономике и глобальной торговле достаточно слабы и уязвимы (табл. 8). Однако именно макроэкономические показатели формируют исходную переговорную позицию («вес») в ВТО каждого члена этой организации (или группы стран в данном случае). Поэтому консолидация усилий всех государств ЕАЭС во Всемирной торговой организации имеет первостепенное значение.

Таблица 8.

Рейтинг стран ЕАЭС и их доля в мировой торговле товарами и услугами в 2014 г.

	РФ	КР	РБ	РК	РА	ЕАЭС
Экспорт товаров	11/ 2,62	45/ 0,41	60/ 0,19	141/ 0,01	143/ 0,01	6 / 3,24
Импорт товаров	17/ 1,61	60/ 0,22	61/ 0,21	125/ 0,03	132/ 0,02	15/ 2,09
Экспорт услуг	22/ 1.31	70/ 0,13	62/ 0,16	133/ 0,02	113/ 0,03	19/ 1,65
Импорт услуг	11/ 2,49	57/ 0,16	74/ 0,12	131/ 0,03	119/ 0,04	9/ 2,84

Примечание: первая цифра – место в рейтинге ВТО; вторая – доля (%) по соответствующему показателю. Источник: составлено по WTO [Trade profiles](#), Geneva. 2015. 208 p.

При этом даже скромные позиции в мировой торговле государств ЕАЭС, объемы которой в 2015 г. сократились примерно на треть, формируются в основном за счет масштабов товарооборота России и отчасти Казахстана - экспортеров энергоносителей и сырья, что на современном этапе не является качественным показателем участия в глобальной торговле. Кроме того, можно отметить импорт услуг, что отражает растущую зависимость экономик стран ЕАЭС от зарубежного опыта управления, технологий и капиталов.

Также следует подчеркнуть крайне невысокий уровень взаимной торговли между странами-участницами ЕАЭС (около 8% от их общего товарооборота) – фактически самый низкий показатель среди интеграционных группировок подобного типа в мире по статистическим данным ЮНКТАД¹, что свидетельствует о невысокой результативности процессов интеграции в рамках «пятерки».

В данном контексте необходимо также принимать во внимание, что в современных условиях глобализации меняются основные тренды не только мировой экономики, но и международной торговли. Так, в посткризисный период резко снизились ежегодные темпы роста глобального товарооборота, и значительно изменилась его отраслевая

¹ Статбаза ЮНКТАД [//unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en](http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en)

структура.¹ Поэтому экстенсивные факторы развития внешнеэкономической сферы становятся неэффективными, и на первый план выходит, в частности, способность профессионального использования инструментов и механизмов ВТО – как способа возможной интеграции в мировую экономику на новом уровне.

Поэтому одной из важнейших задач национальных делегаций во Всемирной торговой организации является поиск и привлечение союзников и сторонников для продвижения или защиты своих интересов, которые прямо или даже косвенно совпадают. Поэтому, очевидно, что необходимо переходить от пассивной роли и конфронтации к координации деятельности стран СНГ в ВТО.

Российская Федерация, претендующая на такое лидерство, напротив, так и не сумела консолидировать и даже неформально координировать позиции своих партнеров по СНГ, включая страны-члены ЕАЭС (о делегациях других государствах даже не идет речи) при обсуждении вопросов повестки Доха-раунда или текущей работы ВТО.

Хотя такая работа могла бы проводиться, например, в рамках группы недавно присоединившихся государств (т.н. группа «Статьи XII»²), которая включает 22 участника ВТО, ставшие членами организации после 1995 г. Эти государства, в свою очередь, разделены на три подгруппы по уровню экономического развития, одна из которых включает все восемь стран СНГ.

Более того, даже сам процесс присоединения и условия членства партнеров по СНГ и даже ЕАЭС оказались нескоординированными, хотя проводились формальные многосторонние и двусторонние консультации, а также неоднократно делались соответствующие публичные заявления. В итоге эта несогласованность нанесла прямой ущерб не только экономике и внешнеэкономическому комплексу России, но и формирующемуся Евразийскому экономическому союзу.

Например, одна из реальных угроз для российской экономики связана с условиями членства Казахстана (в части тарифных уступок) в ВТО. По своей сути - это не только возможность неконтролируемого ввоза (резэкспорта) на территорию России товаров из Китая и ряда других государств дальнего зарубежья, но также размывание Единого таможенного тарифа (ЕТТ) ЕАЭС.

Хотя по нашим оценкам, основные тарифные уступки был согласованы Казахстаном гораздо раньше, возможно, в 2005-2006 гг., что еще раз свидетельствует о

¹ Более детально об этих тенденциях см. *Макаров А., Пахомов А.* Итоги мировой торговли товарами и услугами в 2014 г., Экономическое развитие России. 2015. Т. 22. № 5. С. 27-34.

² Статья XII «Присоединение» Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации (1994 г.) определяет общие принципы присоединения к ВТО новых членов. По сути, единственным элементом позиции этой группы является требование засчитать их повышенные обязательства при присоединении как вклад по либерализации международной торговли в Доха-раунде.

несогласованности процессов присоединения и отсутствия реальных механизмов обмена достоверной информации по проблемам ВТО, как в рамках СНГ, так и ЕврАзЭС (Евразийское экономическое сообщество), который существовал в тот период.¹

Комментируя различия в условиях присоединения к ВТО между Россией и Казахстаном, Министр отметила, что помимо изъятия по импортным таможенным пошлинам, у Казахстана «еще есть определенные временные изъятия по ветеринарным сертификатам в области санитарных и фитосанитарных норм».¹

Как пояснила Ж.Айтжанова, существует договоренность о том, что Казахстан на переходный период в течение четырех лет будет применять более низкие ставки импортных таможенных пошлин. После этого Казахстан проведет переговоры со своими партнерами по ЕАЭС с целью гармонизации тарифных обязательств внутри ЕАЭС и ВТО. «Таков опыт внутри ВТО, этот опыт имеется в связи с расширением ЕС: когда страны-члены ВТО присоединяются к ЕС, то страны ЕС проводят компенсационные переговоры с другими членами ВТО для того, чтобы привести к единому знаменателю импортные таможенные пошлины и пошлины стран-членов ЕАЭС», – сообщила Министр.

Из-за более либеральных таможенных обязательств, в результате которых в первый год присоединения Казахстана к ВТО возникнут расхождения с тарифами в евразийском объединении по 1,5 тыс. товарных позиций, существуют риски реэкспорта, когда казахстанские импортеры будут ввозить в страну товар по более низкой ставке и потом продавать в других странах-членах ЕАЭС.

Так, заместитель председателя национальной палаты предпринимателей Казахстана Р.Ошакбаев указывал на ряд чувствительных позиций, приводя в пример ввозные пошлины на металлические трубы, которые будут различаться вдвое. При этом, как отметил экс-член Коллегии (министр) по торговле Евразийской экономической комиссии А.Слепнев, часть товаров из этого списка относится к группе повышенного риска: это сельскохозяйственная продукция, бытовая техника, автотехника, лекарственные средства, алкоголь¹.

Чтобы обезопасить себя от рисков реэкспорта в связи с присоединением Казахстана к ВТО, в Евразийском экономическом союзе планируется принять ряд защитных мер, о чем 25 августа 2015 г. В частности, это коснется всей животноводческой продукции, части растениеводческой продукции, сахара, лекарственных средств и медицинских изделий, текстиля, обуви, бытовой техники, автомобилей и алкоголя. Кроме того, планируется применять механизм специальной маркировки товаров.

По словам А.Слепнева, постепенно различия в ставках таможенных пошлин между Казахстаном и остальными странами ЕАЭС будут выравниваться, однако этот процесс продлится не менее 7–10 лет.¹

Следует учитывать, что обязательства Казахстана в ВТО по доступу на рынки товаров (т.н. тарифные уступки) более чем по 3 тыс. позиций оказались ниже уровня согласованных ранее ставок из 11,5 тыс. действующей ТН ВЭД ЕАЭС¹. В итоге в Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) было принято компромиссное решение, согласно которому с 1 декабря 2016 г. число изъятий Казахстана из Единого таможенного тарифа ЕАЭС составит 1911 десятизначных тарифных линий ТН ВЭД (т.е. более 16%).

При этом необходимо добавить, что по согласованию сторон Таможенного союза ЕТТ формируется и изменяется на основе российских тарифных обязательств в ВТО. Поэтому страны-члены ЕАЭС должны вводить по изъятиям Казахстана обоснование и переходный период, в конце которого будут принимать эту пониженную ставку.

Рисунок 4. Тарифное регулирование в ЕАЭС

Источник: Выполнение обязательств государств-членов ЕАЭС в ВТО [электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия

http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/SiteAssets/Presentation_2016%20rus.pdf (дата обращения: 26.10.2016)

¹ Согласно версии казахстанской стороны, эти ставки были согласованы с партнерами по ВТО в 2009 г., т.е. до создания Таможенного союза. Казахстана официально стал 162-м членом ВТО 30 ноября 2015 г.

Предполагалось, что оставшаяся треть проблемных ставок будет урегулирована на двустороннем уровне между Казахстаном и Россией в рамках специального Протокола¹. В данном случае это означает, что товары, подпадающие под эти примерно 1000 пониженных позиций, будут ввозиться в Казахстан по стандартным процедурам, но при перемещении на таможенную территорию России, будут подвергнуты особому порядку администрирования, предусматривающего доплату соответствующих пошлин, налогов и сборов согласно российскому законодательству². Но так и не понятно, как реально будет выполняться данный порядок на границе двух стран, где отсутствуют таможенные посты.

При этом следует учитывать, что аналогичная неопределенная ситуация в сфере ЕТТ существует также по 770 пониженным тарифным позициям в рамках обязательств в ВТО армянской стороны, и около 170 ставок - киргизской³. Эти страны при вступлении в ЕАЭС обещали урегулировать данную проблему в ВТО - провести переговоры (т.н. *renegotiations*⁴) с заинтересованными государствами-членами ВТО по предоставлению компенсации за повышение согласованных ранее с ними импортных ставок.

По имеющейся информации, Армения в конце 2014 г. и Киргизия в середине 2015 г. подали в ВТО нотификации (уведомления) по Статье XXIV:6 ГАТТ-94 о намерении провести подобные переговоры. Однако, как представляется, за прошедшее время проведены только неформальные консультации по данному вопросу, а начало переговоров по компенсациям отнесено на неопределенное время⁵. Вместе с тем, судя по процедурам и практике ГАТТ и ВТО, достижение искомого результата маловероятно, т.к. речь в данном случае может идти о пересмотре всего нескольких десятков позиций (за определенный период времени), но никак не нескольких сотен.

Учитывая, что ЕТТ был согласован ранее в рамках Таможенного союза трех стран и так не в полном объеме, то эта ситуация ставит под угрозу ключевое условие создания «классического» таможенного союза по правилам ВТО – наличие реального и эффективно действующего Единого таможенного тарифа (гармонизированного не менее чем на 85-

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. N 417-ФЗ «О ратификации Протокола о некоторых вопросах ввоза и обращения товаров на таможенной территории Евразийского экономического союза».

² Изъятия из ЕТТ ЕАЭС и «система прослеживаемости» товаров, в отношении которых Казахстан применяет пониженные ставки пошлин, стали инструментами реализации обязательств Казахстана в ВТО в сфере таможенно-тарифного регулирования. См. Решение Совета Комиссии от 14 октября 2015 г. № 59 о перечне изъятий из ЕТТ ЕАЭС

³ См. Приложение 4 к Договору о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (Подписан в Минске 10.10.2014); см. Статью 1 к Договору о присоединении Кыргызской Республики к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. (в ред. от 2. марта 2015 г.).

⁴ Согласно положениям Статьи XXVIII «Изменение перечней» и Статьи XXVIII bis «Тарифные переговоры» ГАТТ-94 существует оговоренный порядок проведения подобных переговоров и правила изменений тарифных ставок с последующей компенсацией по договоренности сторон.

⁵ Сайт ЕЭК, www.eurasiancommission.org

90% всех тарифных ставок)¹. Однако в настоящее время доля указанных выше несогласованных импортных пошлин в ЕТТ ЕАЭС составляет, как минимум, четверть позиций товарной номенклатуры.

В итоге несогласованность значительной части тарифных позиций (оформленных как изъятия их ЕТТ) является одним из ярких примеров негативной тенденции игнорирования работы на предыдущих этапах в ЕЭК по консолидации обязательств во Всемирной торговой организации стран-членов ЕАЭС. Прежде всего, это касается несогласованности в ходе их переговоров о присоединении, и отсутствия комплексного сравнительного анализа (с учетом соответствия базовым критериям ВТО создания Таможенного союза, а затем и Евразийского экономического союза).

При этом в данном случае даже не рассматриваются существующие расхождения по другим обязательствам в ВТО стран ЕАЭС в сфере либерализации доступа на рынки услуг, поддержке сельского хозяйства, в главное - т.н. системным вопросам и пр., что требует не только детального изучения, но и особой методологии анализа.

В целом поиски содержательных исследований по сопоставлению условий присоединения участников ЕАЭС и предложений по их гармонизации пока не дали результатов. Например, в Отделе присоединения Секретариата ВТО с 2012 г. не планируют выпуск обновленных редакций документов WTO/ACC/10, и WTO/ACC/11², посвященных правовой экспертизе и структурированному анализу условий присоединения новых членов, да и других материалов под эгидой ВТО по этой теме.

В странах СНГ есть исследования и монографии различного уровня качества, связанные с анализом условий присоединения конкретных государств к ВТО и последствий для национальной экономики. Однако, по всей видимости, в странах постсоветского пространства других сравнительных и аналитических материалов в обозримой перспективе выпущено также не будет. Как представляется, такая ситуация обусловлена тем, что в этих государствах практически отсутствуют профессиональные специалисты и научные эксперты по проблематике Всемирной торговой организации.

На практике условия присоединения все же можно сравнить, взяв, например, методологию обзора WT/ACC/10, но это колоссальная работа (прежде всего, технического характера) на основе изучения пакета документов по присоединению к ВТО отдельных стран, которая, правда, может быть интересной для молодых исследователей. В итоге

¹ Договоренность о толковании статьи XXIV ГАТТ-94 посвящена правилам формирования интеграционных объединений, включая Таможенные союзы. Understanding on the Interpretation of Article XXIV of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994 (*on regional trade agreements*)

² World Trade Organization: WT/ACC/11/Rev.10, 28 February 2012, Geneva, Technical note on the accession process, Note by the Secretariat: State of Play and Information on Current Accessions; WT/ACC/10/Rev.4, 11 January 2010. Technical note on the accession process. Note by the Secretariat: Revision

необходимо брать за основу доклады Рабочих групп по присоединению Российской Федерации и Республики Казахстан, а также Приложения к ним по тарифным уступкам, доступу на рынки услуг, поддержке аграрного сектора и пр.

К упомянутому массиву документов затем будет необходимо добавить параметры всех обязательств Республики Армения и Киргизской Республики, а со временем и Республики Беларусь. Если когда-то эта масштабная работа будет проведена, то это станет большим качественным вкладом в определение дальнейшего развития ЕАЭС и выработке единой внешнеэкономической политики Союза.

В итоге достижение главной цели ЕАЭС - обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики – невозможно без проведения подобной работы. В качестве примера такого подхода авторами разработана сводная сравнительная таблица базовых параметров условий и обязательств в ВТО участников ЕАЭС (табл. 9).
Таблица 9.

Базовые условия присоединения стран-членов ЕАЭС к ВТО

Страна	Конечный уровень связывания импортных таможенных тарифов (средневзвешенный, %)			Конечный уровень поддержки сельского хозяйства (субсидии)	Обязательства по услугам (количество подсекторов)	Обязательства по системным вопросам в Докладе РГ (количество обязательств)
	Все товары	Сельскохозяйственные товары	Промышленные товары			
Киргизия	7.5	12.6	6.7	De minimis -5%	136	29
Армения	8.5	14.7	7.6	De minimis -5%	106	39
Россия	7.6	11.2	7.1	4,5 млрд. долл. в год	122	163
Казахстан	6.1	7.6	5.9	De minimis – -8.5%	116	118

Примечания: De minimis по условиям Соглашения ВТО по сельскому хозяйству определяется в процентах от общей стоимости произведенных сельхозтоваров (валовой продукции аграрного сектора).

Источник: составлено авторами по WTO [Trade profiles](#), Geneva. 2015. 208 p.; WT/ACC/10/Rev.4, 11 January 2010. Technical note on the accession process. Note by the Secretariat: Revision; материалам официального сайта ВТО www.wto.org. и Докладам Рабочих групп по присоединению соответствующих стран.

Самое главное здесь - обязательства по системным вопросам, т.е. безусловное выполнение конкретных положений Соглашений ВТО в части соответствия национального законодательства и его правоприменения присоединяющейся страной.

Как правило, большинство экспертов основное внимание уделяет тарифным уступкам, что на деле является вторичным моментом. Согласно правилам ВТО конечный

«уровень связывания» - это максимально допустимые ставки импортных пошлин, которая страна может применять в своей внешнеторговой политике в рамках принятых обязательств по тарифным уступкам в этой организации.

При этом необходимо отметить, что применяемый тариф в России и ЕАЭС в 2015 г. был следующим: 8.4% - в целом, 11.6% по сельхозтоварам и 7.9% - по промышленным товарам, что пока превышает указанные «потолки».

В данной таблице представлены обобщенные показатели по всем четырем блокам обязательств в ВТО каждой страны ЕАЭС. Однако если брать более детальный уровень, например, в сфере тарифного регулирования, где возможны линейные сравнения, то даже здесь наблюдается весьма сложная картина. Речь идет также о дополнительном сопоставлении доли неадвалерных тарифных ставок, количестве и параметрах тарифных квот, числе принятых т.н. секторальных инициатив, дифференцированной разбивке минимальных и максимальных ставок пошлин и т.д.

По поводу Беларуси (единственный участник ЕАЭС, который не является членом ВТО) существует комплекс системных проблем. Процесс присоединения белорусской стороны вызывает особый интерес и озабоченность, т.к. в сложившейся ситуации цугцванга, скорее всего, получение этой страной членства в ВТО на несбалансированных условиях (причем не по вине Белоруссии) усугубит функционирование ЕАЭС и перспективы его дальнейшего развития.

Фактически вся работа по присоединению Республики Беларусь по политическим причинам (введение торгово-политических санкций со стороны ЕС и США) заморожена с 2006 г. - более 10 лет назад. В ближайшее время намечается только несколько неофициальных встреч белорусской делегации с отдельными членами ВТО. Таким образом, практически всю работу по присоединению этой страны нужно начинать заново.

В сложившихся обстоятельствах в качестве основы переговорной позиции Белоруссии (как члена ЕАЭС), очевидно, будет не продуманная национальная политика, а действующие обязательства России и Казахстана. Это значительно упрощает переговорный процесс для ведущих стран-членов ВТО и достижение ими желаемых уступок и результатов по расширению и углублению обязательств Белоруссии, а соответственно - всех государств ЕАЭС.

Существует еще одна серьезная системная проблема – соответствие созданного Таможенного союза и «формирующегося» Евразийского экономического союза базовым

нормам и правилам ВТО, а также специальным трактовкам в соглашениях организации в отношении построения и функционирования интеграционных объединений¹.

В частности, в ходе первого Обзора торговой политики России в сентябре 2016 г. многие страны-члены ВТО отмечали низкую транспарентность деятельности ЕАЭС, размытость границ регулирования на национальном и наднациональном уровнях (полномочия ЕЭК), а также другие проблемы (ЕТТ, проект нового Таможенного кодекса, переговоры по созданию ЗСТ, процедуры расследования и применения защитных мер)².

В данном контексте речь идет не только о традиционных отсылках к статье XXIV ГАТТ-94 «Территориальное применение - пограничная торговля - таможенные союзы и зоны свободной торговли», но и Договоренности о толковании статьи XXIV ГАТТ-94 и других базовых документах ВТО. Это комплексная проблема, также требующая проведения отдельного исследования и имплементации необходимых мер.

Руководство Евразийской комиссии декларирует свое намерение двигаться в этом направлении, и была разработана соответствующая программа действий³. Так, согласно юридическим документам, обязательства участников Союза в ВТО становятся неотъемлемым элементом правовой базы ЕАЭС. Кроме того, декларируется, что будут приняты меры для приведения правовой системы Союза и решений его органов в соответствие с Соглашениями ВТО. Однако конкретные договоренности о целях и задачах совместных действий в ВТО и единой торговой политике ЕАЭС отсутствуют.

Эта же проблема – несоответствие нормам ВТО – касается, хотя и в меньшей степени, модной сегодня темы создания зон свободной торговли (ЗСТ) с третьими странами. Первое подобное Соглашение ЕАЭС с Вьетнамом вступило в силу 5 октября 2016 г.; еще в различных стадиях (от замороженного статуса переговоров до работы т.н. совместных исследовательских групп) находится около десятка проектов с разными странами (группами стран).

Как представляется, первоначальная стратегическая задача Евразийской комиссии (ЕЭК) в отношении Всемирной торговой организации – получение статуса постоянного

¹ Ранее Российская Федерация уведомила (нотифицировала) Секретариат ВТО о своем участии в интеграционных процессах в рамках СНГ, ЕврАзЭС, ЕЭП и ЕАЭС. Такие же нотификации сделали и другие члены ВТО - участники Евразийского экономического союза. Однако эти обращения находятся в процессе длительного рассмотрения и указанные группировки официально пока не признаны в ВТО как соответствующие нормам и правилам организации.

² WTO Trade policy review: Russian Federation, 28 and 30 September 2016, Concluding remarks by the Chairperson; «Russia Hits Back At U.S., EU During Its First WTO Trade Policy Review» / *Inside U.S. Trade*, Vol. 34, No. 39 - October 7, 2016, Wash., p.9

³ Приложение N 31 «О функционировании Евразийского Экономического Союза в рамках многосторонней торговой системы» к Договору о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015). В рамках Союза к соответствующей проблематике применяется Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 г.

наблюдателя в организации (как форма достижения международной правосубъектности ЕАЭС) – остается труднодостижимой, в том числе по политическим причинам. Без получения такого статуса многие содержательные вопросы совместной деятельности в ВТО стран Союза практически не осуществимы.

Поэтому становится важным обеспечить координацию действий между государствами-участниками ЕАЭС, являющимися членами ВТО, по вопросам, входящим в компетенцию Союза, и такая работа уже началась. Есть много тем технического характера (например, направление нотификаций в ВТО по мерам регулирования ЕЭК и обмен информацией), есть и более субстантивные вопросы участия в процедурах разрешения споров и исполнения обязательств, принятыми государствами-участниками ЕАЭС в ходе присоединения.

Не менее значимой и неразрывно связанной с предыдущей вопросом задачей является обеспечение членства Евразийского экономического союза в ВТО. Одним из первых шагов на пути к реализации данной задачи является присоединение к Организации Республики Беларусь. Неучастие ЕАЭС в ВТО не позволит сформировать полноценный экономический союз с единой и поэтому более сильной переговорной позицией.

2 ВЫРАБОТКА АКТУАЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ ДЕЙСТВИЙ РОССИИ В ВТО

2.1 Внешние вызовы и внутренние ограничения развития внешнеэкономической деятельности в России на современном этапе

В контексте рассмотрения проблематики «новой нормальности» необходимо принимать во внимание, что в современных условиях глобализации меняются основные тренды развития не только мировой экономики, но международной торговли. Так в посткризисный период резко снизились ежегодные темпы роста глобального товарооборота, и заметно изменилась его отраслевая структура.

Этот феномен обусловлен комплексом факторов, которые постепенно проявились в посткризисный период. Здесь необходимо выделить устойчивое падение цен на нефть и базовые сырьевых товары, волатильность курса доллара, растущий протекционизм в изощренных формах (прежде всего, со стороны стран G-20, снижение спроса со стороны динамично развивающихся государств в связи с их выходом на новую траекторию роста и т.д.

Так, согласно оценкам Всемирной торговой организации (ВТО), темпы роста международной торговли в 2016 г. впервые за 15 лет окажутся ниже динамики развития глобальной экономики. Согласно прогнозу Секретариата ВТО, мировая торговля будет расти в 2016 г. медленнее, чем ожидалось, всего на 1,7% на фоне повышения в реальном выражении глобального ВВП на уровне 2,2% (предыдущий прогноз ВТО предполагал рост на 2,8%). Оценки на 2017 г. также были пересмотрены - ожидается, что мировая торговля увеличится в пределах от 1,8 до 3,1%, тогда как прежде прогнозировался рост в 3,6%.¹

При этом следует отметить, что в докризисный период темпы роста глобальной торговли, как правило, в полтора-два раза превышали динамику мирового ВВП.² Поэтому резкое замедление роста мирового товарооборота, очевидно, становится «новой реальностью» («new normal») в данной сфере глобального хозяйства.³

Кроме того, в настоящее время более половины мирового товарооборота формируется за счет поставок полуфабрикатов и комплектующих по глобальным

¹ World Trade Organization: «Trade in 2016 to grow at slowest pace since the financial crisis», PRESS/779, 27 September 2016, 11 p.

² См. подробно об этом тренде Бирюкова О., Пахомов А. Итоги мировой торговли товарами и услугами в 2012 г. и перспективы ее развития / Экономическое развитие России. 2013. Т. 20. № 5. С. 14-19.

³ По мнению ряда экспертов, данная тенденция может свидетельствовать об окончании эпохи глобализации. Вместе с отрицательными ставками, огромными долгами и «пузырями» на финансовых рынках сокращение темпов роста мировой торговли может привести к новому экономическому кризису.

цепочкам добавленной стоимости, причем не только по традиционным межгосударственным каналам взаимодействия, но и в рамках производственных цепочек наднационального бизнеса ТНК.

Указанные выше тенденции могут вызвать структурные сдвиги и изменения в механизмах функционирования мировой торговой системы в целом, куда Российской Федерации будет трудно вписаться в новом качестве. В силу своей международной специализации и укоренившейся зависимости ее экономики от экспорта энергосырьевой продукции на внешние рынки Россия фактически остается вне этих современных процессов (см. табл.10).

В целом в виду комплекса причин 2015 г. стал одним из самых неблагоприятных в современной российской истории для развития внешнеэкономического комплекса страны, который показал пределы своих возможностей и устойчивости. Это обусловлено одновременным действием трех негативных факторов – внутриэкономического (кризисная ситуация в России), конъюнктурного (падение мировых цен на энергосырьевые товары) и геополитического (международные санкции).

Эти базовые причины наложились друг на друга и привели к отрицательному синергетическому эффекту, а также имеют, по крайней мере, среднесрочный характер. Экономическая ситуация стране в 2016 г. и прогнозы на 2017 г. подтверждают указанную устойчивую тенденцию.

В данном контексте следует более детально учитывать последствия применения (прямые и косвенные эффекты) комплекса торгово-политических санкций со стороны иностранных государств и контр-санкции в отношении внешнеэкономического комплекса страны¹, а также их негативное влияние на перспективу².

Таблица 10

Динамика позиций России в рейтинге ВТО и ее доли в мировой торговле товарами и коммерческими услугами в 2000-2015 гг.

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Экспорт товаров	17/1,7	13/2,4	12/2,6	9/2,9	8/2,9	10/2,8	11/2,6	15/2,1
Импорт товаров	29/0,7	19/1,2	18/1,6	17/1,8	16/1,8	16/1,8	17/1,6	23/1,2
Экспорт услуг	31/0,7	26/1,1	23/1,2	22/1,3	22/1,3	21/1,4	21/1,4	24/ 1,0
Импорт услуг	22/1,2	17/1,6	16/2,0	15/2,3	14/2,5	8 /2,8	11/2,5	16/1,9

¹ В целом потери российской экономики от введенных санкций оцениваются на уровне 1% ВВП.

² Более подробно см. А.А.Пахомов «Внешние вызовы и внутренние ограничения развития внешнеэкономической деятельности России на современном этапе» / Международная научно-практическая конференция ИГСУ РАНХиГС «Государственное управление и развитие России: модели и проекты». 19 мая 2016 г.

Первая цифра – место в рейтинге; вторая – доля в %.
Источник: рассчитано по статистике ВТО за соответствующие годы

В сложившейся неблагоприятной ситуации на государственном уровне пока были предложены два новых направления развития внешнеэкономической сферы страны. Первое – политика ускоренного импортзамещения, проведение жесткого варианта деофшоризации, стремление расширения использования национальных валют, в том числе рубля, во внешних расчетах и пр. В итоге данные установки, фактически ведущие к самоизоляции, стимулировали центробежные тенденции по выходу России из мировых экономических процессов.

Второе - резкая и политизированная попытка переориентации торгово-экономических связей России на рынки Азии и других развивающихся регионов мира на фоне сокращения взаимодействия с традиционными партнерами из развитых государств¹. Вместе с тем, чтобы освоить и закрепиться на новых рынках, где российских поставщиков никто не ждет, требуется достаточно долгое время, значительные интеллектуальные и материальные затраты, а также формирование новых транспортно-логистических схем.

Поэтому экстенсивные факторы развития внешнеэкономической сферы на современном этапе становятся все менее результативными, и на первый план, в частности, выходит профессиональное использование инструментов и механизмов ВТО – как одного из способов возможной интеграции страны в мировую экономику на новом уровне.

В частности, для России представляет непосредственный интерес нормы и правила пакета Соглашений ВТО по следующим направлениям:

- (полу) автоматическая отмена дискриминационных ограничений в отношении отечественного экспорта;
- применение допустимых механизмов поддержки, включая субсидирование;
- использование правовых возможностей Органа по разрешению споров (ОРС);
- отстаивание и продвижение национальных интересов в рамках многосторонних торговых переговоров Доха-раунда и в рамках текущей деятельности ВТО.

Несмотря на то, что Российская Федерация является членом Всемирной торговой организации уже более четырех лет, заметного позитивного эффекта от участия в этой международной структуре, как предполагалось, не достигнуто. Вместе с тем, оправдались в определенной степени негативные ожидания критиков самого процесса присоединения.

¹ Необходимо отметить, что географическая структура внешней торговли страны достаточно консервативна и даже инерционна в силу своей энергосырьевой ориентации: с начала 80-х годов прошлого века и по настоящее время на долю 20 ведущих партнеров приходится около 80% товарооборота России, а на 30 государств – свыше 90%.

За истекший период российская сторона уже проделала определенную работу во Всемирной торговой организации: приняла участие в подготовке совместных документов к двум Министерским конференциям (высшей орган ВТО) и переговорам в рамках Дохраунда по различным направлениям, была задействована в текущей деятельности организации комитетов и рабочих органов в Секретариате ВТО.

Помимо этого, закончились почти все основные переходные периоды по выполнению национальных обязательств, принятых при присоединении у ВТО, страна уже задействована в 12 кейсах под эгидой Органа по разрешению споров, а также был проведен первый комплексный Обзор торговой политики (ОТП) Российской Федерации (эту процедуру наша страна проходит раз в четыре года)¹. Таким образом, можно подводить итоги, отчасти предварительные, участия России во Всемирной торговой организации.

Вместе с тем, интерес к исследованию проблематики ВТО (в контексте «trade policy») в стране заметно снизился, в том числе и количество различных публикаций, хотя требуется поиск новых решений и направлений действий на среднесрочную перспективу в этой значимой сфере для выработки внешнеэкономической политики России.

Помимо этого необходимо учитывать явно несбалансированные условия присоединения России как базу для формирования новой переговорной позиции и недостаточно профессиональный состав российской делегации.

Как представляется, помимо комплекса субъективных и объективных причин, низкая результативность участия страны (т.е. торговой политики как составной части национальной внешнеэкономической стратегии) в ВТО определяется решающим фактором – невосприимчивостью и неготовностью нынешней модели российской экономики с доминированием энергосырьевого сектора и монополизмом госкомпаний к эффективному использованию инструментов ВТО во внешнеэкономической сфере.

Также необходимо выделить новые вызовы и ограничения (экономическая рецессия, торгово-политические санкции, неблагоприятная конъюнктура мировых товарных рынков и пр.) для эффективной реализации внешнеэкономической политики страны, что в итоге повышает степень изоляции России от глобальных рынков, а также сокращает пространство для маневра и гибкости во внешней сфере.

Однако в среднесрочной перспективе – по мере возможного формирования основ новой модели экономики – будет возрастать востребованность и значимость «фактора

¹ На данном заседании ОТП многие страны-члены ВТО высказали ряд претензий в отношении соответствия нынешнего торгового режима Российской Федерации нормам и правилам организации, а качестве основной системной проблемы была выделена политика импортзамещения.

ВТО» в России. В свою очередь, может возникнуть синергетический эффект, который позволит проводить эффективную внешнеэкономическую политику страны с учетом интересов поступательного развития национального хозяйства.

В этой связи основной целью на современном этапе является выявление на основе норм и правил ВТО ключевых проблем и перспектив развития внешнеэкономической политики России в среднесрочной перспективе. Помимо этого применение правил ВТО потенциально воздействует на экономику и деловой климат страны по следующим направлениям:

- транспарентность и предсказуемость торгово-политического режима, включая законодотворчество;
- субсидирование промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг;
- новые сферы регулирования и инвестиции¹.

Внешнеэкономический комплекс – вторичный сектор экономики, его эволюция в целом определяется развитием национального хозяйства. Однако возможны точечные успехи внешнеэкономической политики, непосредственно воздействующие на реальный сектор. В этой связи повестка действий России в ВТО на современном этапе, как представляется, может состоять в следующем:

- снятие претензий по несоответствию современного торгово-политического режима России нормам и правилам ВТО, а также принятым обязательствам при присоединении (базовые переходные периоды в основном уже истекли);
- консолидация действий стран ЕАЭС в организации;
- активизация «текущей» работы Российской делегации в рамках ВТО и Доха-раунда;
- подготовка в России кадров по ВТО высшей квалификации.

Вместе с тем, указанные выше вызовы глобального уровня и внутренние проблемы создают не только очередные риски и угрозы, но и новые возможности для России, которыми, однако, надо уметь воспользоваться. Как представляется, в силу действия триады негативных системных факторов - внутриэкономического, конъюнктурного и геополитического – т.н. посткризисный период (2009-2014 годов) экономического развития страны завершен.

Формируется новая стадия развития национального хозяйства, и складываются предпосылки для качественного роста ее внешнеэкономического сектора. В этой связи

¹ Более подробно о деятельности ВТО и процедурах присоединения см. *Пахомов А.А.* Договоренности Уругвайского раунда и эволюция ВТО, Вопросы экономики. 2000. № 8. С. 146-158.

российской делегации в ВТО могут быть предложены следующие основные задачи на перспективу:

- отстаивание рыночного статуса российской экономики (с 2002 г.) – иск по «суррогатным» энергокорректировкам в ОРС;
- использование инструментов ВТО для продвижения несырьевого (сельскохозяйственного и несельскохозяйственного) экспорта страны;
- анализ соответствия договорно-правовой базы ЕАЭС и ее правоприменения нормам и правилам ВТО;
- целесообразность присоединения Российской Федерации к Соглашениям по правительственным закупкам (GPA) и информационным технологиям (ITA-2);
- выбор приоритетов и «союзников» для продвижения российских интересов по повестке Дохийского раунда и в рамках текущей деятельности Всемирной торговой организации.

Однако согласно среднесрочному прогнозу Минэкономразвития России выход на положительную траекторию роста в стране в среднесрочной перспективе возможен только за счет конъюнктурной составляющей, т.е. предполагаемого повышения цен на сырьевые товары на мировом рынке¹. При этом задействование структурного и внешнеторгового факторов роста, по мнению Минэкономразвития, маловероятно.

В этой связи необходима выработка актуальной стратегии совершенствования отечественного внешнеэкономического комплекса, адекватной возможностям и потребностям страны на новом этапе ее экономического развития, а также реалиям глобального рынка на перспективу². Немаловажную роль здесь будет играть профессиональная работа российской делегации в ВТО.

Принципиальная проблема здесь – выбор открытой или закрытой модели внешнеэкономической политики с учетом современных вызовов и ограничений, в частности по следующим направлениям:

- Реализация программ импортозамещения с опорой на собственные силы или (vs) стимулирование стратегии экспортной ориентации;
- Сохранение курса на самоизоляцию или либерализация внешнеэкономического регулирования;

¹ Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. Май 2016, Минэкономразвития России.

² Более подробно см. А.А.Пахомов «Внешние вызовы и внутренние ограничения развития внешнеэкономической деятельности России на современном этапе» / Международная научно-практическая конференция ИГСУ РАНХиГС «Государственное управление и развитие России: модели и проекты». 19 мая 2016 г.

- Продолжение контр-санкций в различных формах или отмена ограничений торгово-политического характера;
- Расширение сотрудничества в рамках «поворота на Восток» или углубление взаимодействия с традиционными партнерами из развитых стран;
- Государственное содействие на внешних рынках «национальным чемпионам» или компаниям среднего и даже малого бизнеса с переходом на поддержку перспективной (технологичной) товарной номенклатуры;
- Традиционная ориентация на вывоз товаров или стимулирование экспорта услуг и предпринимательского капитала.

Поэтому материализация потенциальных преимуществ России во внешнеэкономической сфере во многом возможна только при проведении активной и последовательной государственной политики в этой области, основанной на реализации национальных экономических интересов, в том числе в рамках ВТО.

В частности, для России представляет непосредственный интерес нормы и правила пакета Соглашений ВТО по следующим направлениям:

- (полу) автоматическая отмена дискриминационных ограничений в отношении отечественного экспорта;
- применение допустимых механизмов поддержки, включая субсидирование;
- использование правовых возможностей Органа по разрешению споров (ОРС);
- отстаивание и продвижение национальных интересов в рамках многосторонних торговых переговоров Доха-раунда и в рамках текущей деятельности ВТО.

Несмотря на то, что Российская Федерация является членом Всемирной торговой организации уже более четырех лет, заметного позитивного эффекта от участия в этой международной структуре, как предполагалось, не достигнуто. Вместе с тем, оправдались в определенной степени негативные ожидания критиков самого процесса присоединения.

За истекший период российская сторона уже проделала определенную работу во Всемирной торговой организации: приняла участие в подготовке совместных документов к двум Министерским конференциям (высшей орган ВТО) и переговорам в рамках Доха-раунда по различным направлениям повестки, была задействована в текущей деятельности организации комитетов и рабочих органов в Секретариате ВТО.

Помимо этого, закончились почти все основные переходные периоды по выполнению национальных обязательств, принятых при присоединении у ВТО, страна уже задействована в 12 кейсах под эгидой Органа по разрешению споров, а также был проведен первый комплексный Обзор торговой политики (ОТП) Российской Федерации (эту процедуру наша страна проходит раз в четыре года)¹. Таким образом, можно

подводить итоги, отчасти предварительные, участия России во Всемирной торговой организации

Вместе с тем, интерес к исследованию проблематики ВТО (в контексте «trade policy») в стране заметно снизился, в том числе и количество различных публикаций, хотя требуется поиск новых решений и направлений действий на среднесрочную перспективу в этой значимой сфере для выработки внешнеэкономической политики России.

Помимо этого необходимо учитывать явно несбалансированные условия присоединения России как базу для формирования новой переговорной позиции и недостаточно профессиональный состав российской делегации.

Как представляется, помимо комплекса субъективных и объективных причин (см. рис. 5), низкая результативность участия страны (т.е. торговой политики как составной части национальной внешнеэкономической стратегии) в ВТО определяется решающим фактором – невосприимчивостью и неготовностью нынешней модели российской экономики с доминированием энергосырьевого сектора и монополизмом госкомпаний к эффективному использованию инструментов ВТО во внешнеэкономической сфере.

Также необходимо выделить новые вызовы и ограничения (экономическая рецессия, торгово-политические санкции, неблагоприятная конъюнктура мировых товарных рынков и пр.) для эффективной реализации внешнеэкономической политики страны, что в итоге повышает степень изоляции России от глобальных рынков, а также сокращает пространство для маневра и гибкости во внешней сфере.

Главная причина низкой отдачи от участия России в ВТО - архаичная энергосырьевая структура экспорта. Надо четко понимать, что ВТО - это инструмент, который представляет, прежде всего, возможности для продвижения экспорта готовых промышленных изделий, и в меньшей степени продукции сельского хозяйства, а также поставщиков услуг.

При нынешней деградирующей структуре экспорта России теоретически наибольшую пользу инструменты ВТО могли бы принести именно для продвижения сельхозсырья и продовольствия на мировые рынки. Но этого не произошло, как представляется, по двум основным причинам.

Во-первых, никто в России этим вопросом серьезно не занимался - позиции, даже схематично, не сформулированы, не говоря уже о разработке более детальных программ по отдельным сельскохозяйственным товарам (зерно, подсолнечное масло, свинина, птица и переработанная сельхозпродукция и пр.).

Во-вторых, в условиях санкций и особенно контр-санкций России на импортную аграрную продукцию из ряда стран - ведущих мировых экспортеров этих товаров,

результативность любых текущих и планируемых действий российской стороны в ВТО значительно ограничена.

Это положение практически невозможно преодолеть, поскольку доверие между Россией и его основными торговыми партнерами сильно подорвано, а его восстановление займет долгие годы, даже независимо от гипотетического изменения экономической модели развития страны.

Главная причина низкой отдачи от участия России в ВТО - архаичная энергосырьевая структура экспорта. Надо четко понимать, что ВТО - это инструмент, который представляет, прежде всего, возможности для продвижения экспорта готовых промышленных изделий, и в меньшей степени продукции сельского хозяйства, а также поставщиков услуг.

При нынешней деградирующей структуре экспорта России теоретически наибольшую пользу инструменты ВТО могли бы принести именно для продвижения сельхозсырья и продовольствия на мировые рынки. Но этого не произошло, как представляется, по двум основным причинам.

Во-первых, никто в России этим вопросом серьезно не занимался - позиции, даже схематично, не сформулированы, не говоря уже о разработке более детальных программ по отдельным сельскохозяйственным товарам (зерно, подсолнечное масло, свинина, птица и переработанная сельхозпродукция и пр.).

Во-вторых, в условиях санкций и особенно контр-санкций России на импортную аграрную продукцию из ряда стран - ведущих мировых экспортеров этих товаров, результативность любых текущих и планируемых действий российской стороны в ВТО значительно ограничена.

Это положение практически невозможно преодолеть, поскольку доверие между Россией и его основными торговыми партнерами сильно подорвано, а его восстановление займет долгие годы, даже независимо от гипотетического изменения экономической модели развития страны.

Однако в среднесрочной перспективе – по мере возможного формирования основ новой модели экономики - будет возрастать востребованность и значимость «фактора ВТО» в России. В свою очередь, может возникнуть синергетический эффект, который позволит проводить эффективную внешнеэкономическую политику страны с учетом интересов поступательного развития национального хозяйства.

В целом на данном этапе можно выделить три основных направления теоретических исследований и прикладных разработок по проблематике ВТО и участия России в этой организации:

1. Подготовка кадров. Представляется, что этот вопрос сейчас практически неразрешим. Необходимо отметить, что теоретических идей на этом направлении нет, да и солидный профессорско-преподавательский состав также отсутствует. Поэтому следует начинать данную работу с подготовки преподавателей.

2. Более активное участие российской делегации в Дохийском раунде. С существующей структурой российского экспорта можно выделить только сельское хозяйство, но продвижение в этом направлении будет блокировано контр-санкциями. Других реальных интересов сейчас явно не прослеживается, но все же, экспорт сельхозтоваров необходимо добавить как важную тему участия в Доха - раунде.

3. Сложный и чувствительный вопрос - определение национальных интересов и как это затрагивать. В силу кризиса, обвала внешней торговли и примитивизации экспорта эти интересы значительно сузились. Но представляется, что для организации системной работы необходимо сначала кардинальное улучшение координации между всеми ведомствами. Понятно, что сейчас эта задача неразрешимая, но в перспективе возможны позитивные сдвиги.

К тому же необходимо искать страны со сходными интересами и блокироваться с ними, как делают другие члены ВТО. Очевидно, что России собственного веса (даже в рамках ЕАЭС) в переговорах не хватит.

Так, в октябре 2016 г. Минэкономразвития направило в Минфин долгосрочный прогноз социально-экономического развития до 2035 г. Разработки долгосрочных планов требует закон о стратегическом планировании: на основе этого макропрогноза Минфину необходимо сделать долгосрочный бюджетный прогноз.

Первый вариант прогноза – «базовый плюс» (всего вариантов три) – основывается на консервации текущих тенденций и инерционном развитии, но он еще не самый худший. В отличие от базового (консервативного) он основан на более реалистичной, с точки зрения Минэкономразвития, траектории нефтяных цен, которые будут медленно расти. Однако в базовом варианте среднегодовой темп ВВП лишь немногим ниже – 1,8% темпов первого варианта (менее 2%)¹.

Вариант с реформами – в третьем, целевом сценарии прогноза Минэкономразвития. Цена нефти в нем такая же, как в «базовом плюс», примерно такие же и демографические параметры трудовых ресурсов. Но более быстрый рост внутренних инвестиций сопровождается более высокой (в отличие от других двух вариантов) производительностью труда, более быстрым ростом доходов населения.

Текущий счет платежного баланса постепенно уходит в дефицит за счет опережающего роста импорта; однако это компенсируется чистым притоком капитала с

2020 г. Рост экономики ускоряется до более 4% уже в 2019 г. и остается выше среднемирового: в среднем – 3,6% в год за 2016–2035 гг.

Опережение мировых темпов достигается, по мнению Минэкономразвития, за счет перехода экономики на инвестиционную модель роста. Такой сценарий включает рост доходов компаний за счет снижения их издержек, улучшение бизнес-климата и поддержка несырьевого экспорта. Фактически эти три элемента инвестиционной модели дублируются макроэкономическими и внешнеэкономическими факторами позитивного воздействия членства в ВТО.

2.2 Применение инструментов ВТО во внешнеэкономической политике страны

Как показывает практика, все еще абстрактные для многих отечественных участников ВЭД понятия как нормы и правила Всемирной торговой организации (ВТО), на деле уже активно применяются в традиционных двусторонних торгово-экономических отношениях Российской Федерации со странами ближнего и дальнего зарубежья. С разной степенью эффективности инструменты ВТО позволяют, как защищать национальные экономические интересы, так и создавать новые проблемы при их неправильной имплементации.

В нынешних условиях, характеризующихся спадом в экономике, низкой конъюнктурой на базовые товары энергосырьевого вывоза и применением взаимных санкций, фактор ВТО приобретает особое значение для внешнеэкономического сектора России.

В этой ситуации зарубежные партнеры пытаются использовать любую возможность дополнительного давления на российскую сторону. Так, например, многие контрагенты России из числа крупнейших стран, проводящих активную торгово-инвестиционную экспансию - США, Германия, Франция, Италия и др. в различных форматах взаимодействия ставят в повестку двусторонних переговоров актуальные вопросы и претензии, ограничивающие их доступ на российский рынок.

Это, прежде всего, относится к современной политике России в сфере локализации и импортозамещения. Так, по мнению зарубежных партнеров, здесь имеет место протекционизм, сдерживающий инвестиции в отдельные сектора российской экономики, как например сельхозпроизводство, станкостроение, изготовление медицинского оборудования и т.д. Нетранспарентные секторальные правила локализации производства в

России, в свою очередь также ограничивают возможности для осуществления иностранных капиталовложений и экспорта.

Помимо этого имеются претензии к осуществлению равноправного допуска к государственным закупкам, в т.ч. в сфере программного обеспечения, медицинского оборудования и лекарств, при которых преференции отдаются только производителям из стран ЕАЭС.

Иностранный бизнес традиционно недоволен также правоприменительной практикой органов ФТС России при таможенном оформлении товаров в части сложности и забюрократизированности процедур, а также нормами законодательства, обязывающими размещать серверы зарубежных компаний на территории России.

В повестке межправительственных переговоров имеются также застарелые вопросы, такие как взимание с иностранных компаний платы за осуществление транссибирских перелетов, а также ряд проблем, обсуждавшихся еще в процессе присоединения России к ВТО¹.

Некоторые наиболее спорные вопросы уже перешли в судебную плоскость разбирательства в рамках Органа по разрешению споров ВТО: введение утилизационного сбора, антидемпинговая пошлина в отношении легких коммерческих автомобилей (LCV), запрет на импорт продукции свиноводства из ЕС по причине африканской чумы свиней, тарифное регулирование определенного вида сельскохозяйственных и промышленных товаров, запрет на ввоз железнодорожной техники из Украины и т.д.

Россия, в свою очередь, подала иски в ВТО в отношении своих зарубежных партнеров по поводу введения «третьего энергопакета» ЕС, ограничивающего полный допуск российских энергооператоров к поставкам газа в Европу, т.н. энергокорректировок (расчет стоимости российских сварных труб в антидемпинговом расследовании ЕС), а также в отношении Украины по антидемпинговой пошлине по нитрату аммония².

Таким образом, как показывает практика, в настоящее время в целях защиты рынка помимо таможенно-тарифного регулирования наиболее активно применяются нетарифные ограничения, использование которых регламентируется нормами Всемирной торговой организации. В классическом виде такие меры исследуются и классифицируются Комиссией ООН по торговле и развитию - ЮНКТАД (см. Табл. 11).
Таблица 11

¹ См., например, Пахомов А.А. Процесс присоединения России к ВТО / Внешняя торговля. 1999. № 3. С. 2-9.

² Центр экспертизы по вопросам ВТО, раздел «Торговые споры с участием Российской Федерации», <http://www.wto.ru>.

Краткий классификатор мер нетарифного регулирования ЮНКТАД

Импортные меры	Технические меры	<i>A. Санитарные и фитосанитарные меры</i>
		<i>B. Технические барьеры в торговле</i>
		<i>C. Предотгрузочная инспекция и другие формальности</i>
	Нетехнические меры	<i>D. Условные торгово-защитные меры</i>
		<i>E. Неавтоматическое лицензирование, квотирование, запреты и количественные ограничения</i>
		<i>F. Меры ценового контроля, включая дополнительные налоги и сборы</i>
		<i>G. Финансовые меры</i>
		<i>H. Меры, влияющие на конкуренцию</i>
		<i>I. Инвестиционные меры, связанные с торговлей</i>
		<i>J. Ограничения на дистрибуцию</i>
		<i>K. Ограничения на послепродажное обслуживание</i>
		<i>L. Субсидии (кроме экспортных субсидий)</i>
		<i>M. Ограничения на государственные закупки</i>
		<i>N. Интеллектуальная собственность</i>
		<i>O. Правила определения страны происхождения товаров</i>
	Экспортные меры	<i>P. Меры, связанные с экспортом</i>

Источник: UNCTAD International classification of non-tariff measures, 2012 Version, United Nations, New York & Geneva, 2015, Table. Non-tariff measures classification by chapter, P.3.

Так, согласно данным Минэкономразвития России по состоянию на 1 декабря 2015 г. 25 стран - Австралия, Азербайджан, Аргентина, Белоруссия, Бразилия, Вьетнам, Индия, Индонезия, Иран, Казахстан, Канада, Китай, Лаос, Малайзия, Марокко, Мексика, Молдова, Нигерия, США, Таиланд, Туркменистан, Турция, Узбекистан, Украина, Филиппины, а также ЕС применяли защитные меры в отношении российских товаров.¹

В целом в отношении отечественной продукции согласно особенной классификации Министерства (отличной от ЮНКТАД) действует 110 мер, в том числе: антидемпинговая пошлина применяется в 39 случаях, специальная защитная пошлина – 15 раз, компенсационная пошлина – 1, прочие нетарифные меры – 55 (административные меры, включая дополнительные сборы и ограничение по номенклатуре) – 23, технические барьеры – 9, тарифные квоты – 3, квотные ограничения – 1, акцизы на

¹ В целом, наибольшее количество ограничительных мер действует в отношении России со стороны ЕС, Индии, США, Индонезии и Турции. Среди стран постсоветского пространства основное количество ограничительных мер приходится на Украину и Узбекистан. Портал внешнеэкономической информации, раздел «Справочная информация по ограничительным мерам», <http://www.ved.gov.ru>

дискриминационной основе – 4, запреты на импорт – 3, санитарные и фитосанитарные меры – 7, угрозы введения меры – 5.¹

Также необходимо отметить, что в отношении России также действуют различные торгово-политические санкции со стороны более 40 государств, в т.ч. ЕС, США, Японии, Украины, Швейцарии, Норвегии, Австралии, Новой Зеландии, Исландии, Лихтенштейна, Черногории, Албании и др., включающие в себя ограничительные меры в торговле: запрет на экспорт технологий и продукции двойного назначения, осуществление коммерческих операций с определенными юридическими лицами, ограничения на допуск к финансовым инструментам и прочее.

В целом по данным Евразийской экономической комиссии в 2015 г. наблюдался рост протекционизма со стороны третьих стран в отношении ключевых экспортных товаров из России и других государств-членов ЕАЭС, таких как продукция металлургической промышленности, удобрения, а также товары сельхозназначения. Наиболее проблемными с точки зрения доступа в настоящее время являются рынки металлопродукции. Так, в 2015 г. рядом американских корпораций (Nucor, US Steel Corp, Arcelor Mittal) был инициирован выход США из двустороннего Соглашения о приостановлении антидемпингового расследования в отношении горячекатаного проката из Российской Федерации, подписанного в июле 1999 года. Минторгом США, в свою очередь, были начаты антидемпинговое и компенсационное расследование в отношении российского холоднокатаного плоского проката.

В 2015 г. ЕС продлил до 2020 г. антидемпинговые пошлины на сварные трубы из Российской Федерации и Республики Беларусь, а по итогам расследования принял решение о применении антидемпинговой меры в отношении российской трансформаторной стали, начал антидемпинговое расследование в отношении холоднокатаного плоского проката, и ввел предварительную пошлину в отношении алюминиевой фольги происхождения из России².

При этом большинство из приведенных выше ограничительных мер, вряд ли можно назвать дискриминационными, т.к. во многих случаях российская сторона или отдельные участники ВЭД допускали ошибки и просчеты ведения правил международной

¹ Также проводится 18 расследований в отношении российской продукции, из них 8 антидемпинговых, 9 специальных защитных и одно компенсационное расследование, а также 12 пересмотров антидемпинговых мер и два соглашения о приостановлении антидемпинговой процедуры. <http://www.ved.gov.ru>

² Доклад об ограничительных мерах, применяемых к товарам государств-членов ЕАЭС на рынках третьих стран во II полугодии 2015 г., сайт Евразийской экономической комиссии, <http://www.eurasiancommission.org>, с.14.

торговли. В итоге эти многочисленные факты свидетельствуют об отсутствии целостной внешнеэкономической политики страны, что влечет за собой негативные последствия¹.

На современном этапе одной из важнейших составляющих развития экспортноориентированных отраслей экономик высокоразвитых государств являются объекты интеллектуальной собственности (ИС), а также их адекватная охрана и защита, в т.ч. за рубежом.

Соединенные Штаты Америки, например, наряду с международным инструментарием в рамках Всемирной торговой организации (прежде всего, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности / ТРИПС) дополнительно применяют, основанные на базовых принципах ВТО, односторонние меры для проведения целенаправленной политики по охране прав ИС своих правообладателей за рубежом.

Так, наиболее важными юридическими инструментами, применяемыми США для защиты прав ИС является «301-я специальная» статья Закона о торговле США 1974 г.² В соответствии с нормами указанной статьи Президенту США предоставлено право вводить санкции (включая отмену тарифных преференций) против стран, которые не соблюдают обязательства по защите прав американских владельцев ИС³.

Администрация США ежегодно анализирует потери национальных правообладателей в государствах - торговых партнерах, а также законодательство и правоприменительную практику стран пребывания, направленную на охрану и защиту прав ИС.

В случае отсутствия прогресса, а также возникновения повышенной угрозы ущерба американским правообладателям, Президент США в соответствии со статьей 502 Закона о торговле США 1974 г. вправе лишить соответствующее государство статуса страны-пользователя Генеральной системы преференций США (U.S. Generalized System of Preferences)⁴.

Так, 30 апреля 2015 г. Аппарат Торгового представителя США (Office of the United States Trade Representative) опубликовал традиционный ежегодный доклад по разделу 182 Закона о торговле США 1974 г. (более известный как отчет по «301-й специальной

¹ Более подробно см. Пахомов А. Стратегия развития внешнеэкономического комплекса Российской Федерации / Проблемы теории и практики управления. 2010. № 12. С. 18-29.

² U.S. Smoot-Hawley Tariff Act of 1930, U.S. Trade Act of 1974, Cornell University Law School, Legal Information Institute, <http://www.law.cornell.edu>.

³ U.S. Trade and Tariff Act of 1984, Cornell University Law School, Legal Information Institute, <http://www.law.cornell.edu>.

⁴ Presidential Proclamation: To Modify Duty-Free Treatment, by the President of the United States of America, January 13, 2003, The White House, The Office of The Press Secretary, Washington DC, p.1, <http://www.whitehouse.gov>

статье») по итогам рассмотрения ситуации с охраной прав американских владельцев ИС в зарубежных странах.

По результатам обзора, в 2015 г. 37 государств были отнесены к различным категориям в соответствии с уровнем защиты прав американских владельцев ИС за рубежом. Начиная с «приоритетных государств», где грубо нарушаются права ИС, что означает автоматическое применение экономических санкций, вплоть до «наблюдаемых государств», которые достигли определенного прогресса в сфере совершенствования законодательства и правоприменения в профильной сфере.

Россия по результатам «Обзора 301», как и прежде (в течение последних полутора десятка лет), оставлена в категории «приоритетно наблюдаемых государств», где сохраняются нарушения прав ИС американских правообладателей и соответственно возможность применения ограничительных мер в торговле¹.

Так, например, страны-пользователи американской Генеральной системы преференций, которая предусматривает беспошлинный ввоз (duty free) ряда товаров на американский рынок, в результате «неадекватной и неэффективной защиты прав ИС» могут быть лишены этого статуса, что повлечет за собой определенные экономические потери для этого государства². Однако в 2015 г. такая процедура не применялась³.

Безусловного выполнения консолидированных в «Обзоре 301» требований к надлежащей охране прав ИС американских правообладателей Администрация США добивается от стран - торговых партнеров в различных форматах межправительственного взаимодействия: от переговоров об условиях присоединения к ВТО до двусторонних рабочих групп и профильных диалогов⁴.

Характерно, что весьма схожие претензии предъявляют ЕС и ряд других государств, что объясняется не только наличием их общих проблем на рынке интеллектуальной собственности России, но и проведением скоординированной политики давления на российские власти⁵.

¹ Office of the United States Trade Representative 2015 Special 301 Report, Washington D.C., April 30, 2008, 83 p. <http://www.ustr.gov>.

² Presidential Proclamation: To Modify the List of Beneficiary Developing Countries Under the Trade Act of 1974, by the President of the United States of America, October 03, 2014, The White House, The Office of The Press Secretary, Washington DC, p.1, <http://www.whitehouse.gov>.

³ В предыдущие годы расследование проводилось в отношении России. Вместе с тем, 3 октября 2014 г. Россия была выведена из-под действия Генеральной системы преференций США решением Президента США Б.Обамы в связи достижением нашей страной объективно достаточного уровня экономического развития и конкурентоспособности.

⁴ Макаров А.И. «301-я специальная» статья Закона о торговле США 1974 г. как торгово-политический инструментарий в международно-правовых отношениях США с зарубежными странами», Международное право, 2007, Т.32, №4, с.290.

⁵ Пахомов А.А., Охрана прав интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Федеральный справочник, 2006, сс. 83-84.

Так, например, в повестку диалога Россия-ЕС в сфере интеллектуальной собственности входит проблематика охраны прав ИС европейских правообладателей в России: совершенствование законодательства и правоприменительной практики, закрытие «пиратских» интернет сайтов, охрана наименований мест происхождения товаров и прочее. Более узкие вопросы охраны ИС обсуждаются в профильных рабочих группах двусторонних Межправительственных комиссий по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Российская Федерация, в свою очередь, через Евразийскую экономическую комиссию, а также в одностороннем порядке применяет с различной степенью эффективности в отношениях с партнерами ограничительные меры в торговле.

В период обострения торгово-политических отношений и санкционного противостояния с западными странами наиболее активно применяются технические барьеры в торговле, а также санитарные и фитосанитарные меры. Одним из ярких примеров является введение в отношении ЕС, США, ряда других стран, а в конце 2015 г. и Украины продовольственного эмбарго в ответ на введенные в отношении России санкции.

Также нельзя не отметить комплекс ограничительных мер, введенных Россией в отношении Турции в ноябре 2015 г., включая как запрет на импорт установленного вида сельхозпродукции до ограничений по занятию коммерческой деятельности турецким экономоперами на территории России.

Помимо этого, по отношению к ряду стран Россией применяются отдельные меры фитосанитарного контроля, заключающиеся в ограничении импорта определенного вида продукции (как правило, мясомолочной) и ряд других инструментов защиты внутреннего рынка.

Необходимо отметить, что также одним из наиболее распространенной защитной мерой, введенной ЕАЭС (это уже компетенция наднациональной торговой политики) в отношении стран-партнеров являются антидемпинговые пошлины. Данные меры по состоянию на конец 2015 года вводились преимущественно в отношении КНР и Украины. (см. Табл. 12)

Таблица 12.

Меры защиты внутреннего рынка в Евразийском экономическом союзе

№	Товар	ТН ВЭД ЕАЭС	Страна-экспортёр	Тип меры
AD-1	Некоторые виды стальных труб	7304, 7305, 7306	Украина	Антидемпинговая
AD-3	Подшипники качения	8482	КНР	Антидемпинговая
AD-8	Металлопрокат с полимерным покрытием	7210, 7212, 7225	КНР	Антидемпинговая
AD-9	Графитированные электроды	8545	Индия	Антидемпинговая
AD-11	Холоднодеформированные бесшовные трубы из нержавеющей стали	7304	КНР	Антидемпинговая
AD-12	Ванны чугунные эмалированные	7324	КНР	Антидемпинговая
AD-10	Легкие коммерческие автомобили	8704	Германия, Италия, Турция	Антидемпинговая
SG-8	Посуда столовая и кухонная из фарфора	6911	Все страны	Специальная защитная
SG-7	Зерноуборочные комбайны и модули	8433	Все страны	Специальная защитная
AD-7	Стальные кованые валки для прокатных станов	8455	Украина	Антидемпинговая
AD-15	Лимонная кислота	2918	КНР	Антидемпинговая
AD-14	Кухонные и столовые приборы из коррозионностойкой стали	8211, 8215	КНР	Антидемпинговая
AD-16	Стальные бесшовные трубы, применяемые для бурения и эксплуатации нефтяных и газовых скважин	7304	КНР	Антидемпинговая
AD-17	Гусеничные бульдозеры	8429	КНР	Антидемпинговая
AD-18	Грузовые шины	4011	КНР	Антидемпинговая

Источник: сайт Евразийской экономической комиссии, раздел «Департамент защиты внутреннего рынка», <http://www.eurasiancommission.org>.

Таким образом, в период обострения торгово-политических отношений с рядом зарубежных стран протекционистские меры в двусторонних торгово-экономических отношениях вводятся Россией более активно (но не всегда результативно). При этом международно-правовой основой для введения подобных мер и урегулирования проблем остаются нормы и правила ВТО.

2.3 Направления перспективных действий Российской Федерации во Всемирной торговой организации

Основной целью на современном этапе является выявление на основе норм и правил ВТО ключевых проблем и перспектив развития внешнеэкономической политики

России в среднесрочной перспективе. Помимо этого применение правил ВТО потенциально воздействует на экономику и деловой климат страны по следующим направлениям:

- транспарентность и предсказуемость торгово-политического режима, включая законотворчество;
- субсидирование промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг;
- новые сферы регулирования и инвестиции¹.

Внешнеэкономический комплекс – вторичный сектор экономики, его эволюция в целом определяется развитием национального хозяйства. Однако возможны точечные успехи внешнеэкономической политики (причем без особых финансовых затрат и организационных усилий), непосредственно воздействующие на реальный сектор. В этой связи повестка действий России в ВТО на современном этапе, как представляется, может состоять в следующем:

- снятие претензий по несоответствию современного торгово-политического режима России нормам и правилам ВТО, а также принятым обязательствам при присоединении (базовые переходные периоды в основном уже истекли);
- консолидация действий стран ЕАЭС в организации;
- активизация «текущей» работы Российской делегации в рамках ВТО и Доха-раунда;
- подготовка в России кадров по ВТО высшей квалификации.

Вместе с тем, указанные выше вызовы глобального уровня и внутренние проблемы создают не только очередные риски и угрозы, но и новые возможности для России, которыми, однако, надо уметь воспользоваться.

Как представляется, в силу действия триады негативных системных факторов – внутриэкономического, конъюнктурного и геополитического – т.н. посткризисный период (2009-2014 годов) экономического развития страны завершен.

В этой связи необходимо активно использовать доступные инструменты ВТО для повышения эффективности внешнеэкономической политики Российской Федерации, в том числе: ¹

- (полу) автоматическая отмена дискриминационных ограничений в отношении отечественного экспорта

¹ Более подробно см. Пахомов А.А. №повестка действий России в ВТО на современном этапе» Тезисы выступления на международной научно-практической конференции «Можно ли расти без «новой нормальности»? Стратегические инициативы развивающихся экономик» (23 ноября 2016 г.), М., Финансовый Университет при Правительстве РФ.

- применение допустимых механизмов поддержки, включая субсидирование
- использование правовых возможностей Органа по разрешению споров
- отстаивание и продвижение национальных интересов в рамках

многосторонних торговых переговоров Доха-раунда и текущей деятельности ВТО

Формируется новая стадия развития национального хозяйства, и складываются предпосылки для качественного роста ее внешнеэкономического сектора. В этой связи российской делегации в ВТО могут быть предложены следующие основные задачи на перспективу:

- отстаивание рыночного статуса российской экономики (с 2002 г.) – иск по «суррогатным» энергокорректировкам в ОРС;
- использование инструментов ВТО для продвижения несырьевого (сельскохозяйственного и промышленного) экспорта страны;
- анализ соответствия договорно-правовой базы ЕАЭС и ее правоприменения нормам и правилам ВТО;
- целесообразность присоединения Российской Федерации к Соглашениям по правительственным закупкам (GPA) и информационным технологиям (ITA-2);
- выбор приоритетов и «союзников» для продвижения российских интересов по повестке Дохийского раунда и в рамках текущей деятельности Всемирной торговой организации.

Однако согласно среднесрочному прогнозу Минэкономразвития России выход на положительную траекторию роста в стране в перспективе возможен только за счет конъюнктурной составляющей, т.е. предполагаемого повышения цен на сырьевые товары на мировом рынке¹. При этом задействование структурного и внешнеторгового факторов роста, по мнению Минэкономразвития, маловероятно.

В этой связи необходима выработка актуальной стратегии совершенствования отечественного внешнеэкономического комплекса, адекватной возможностям и потребностям страны на новом этапе ее экономического развития, а также реалиям глобального рынка на перспективу¹. Немаловажную роль здесь будет играть профессиональная работа российской делегации в ВТО.

Принципиальная проблема здесь – выбор открытой или закрытой модели внешнеэкономической политики с учетом современных вызовов и ограничений, в частности по следующим направлениям:

- Реализация программ импортзамещения с опорой на собственные силы или (vs) стимулирование стратегии экспортной ориентации;

- Сохранение курса на самоизоляцию или либерализация внешнеэкономического регулирования;
- Продолжение контр-санкций в различных формах или отмена ограничений торгово-политического характера;
- Расширение сотрудничества в рамках «поворота на Восток» или углубление взаимодействия с традиционными партнерами из развитых стран;
- Государственное содействие на внешних рынках «национальным чемпионам» или компаниям среднего и даже малого бизнеса с переходом на поддержку перспективной (технологичной) товарной номенклатуры;
- Традиционная ориентация на вывоз товаров или стимулирование экспорта услуг и предпринимательского капитала.

Поэтому материализация потенциальных преимуществ России во внешнеэкономической сфере во многом возможна только при проведении активной и последовательной государственной политики в этой области, основанной на реализации национальных экономических интересов, в том числе в рамках ВТО.

«Теоретические подходы» в повестке действий России в ВТО не есть нечто абстрактное. Речь не идет о сравнительных преимуществах Д. Рикардо в эпоху интернета или институциональных вещах, например, улучшении управления. Такой подход следует рассматривать как «стратегический», тогда можно было бы сформулировать ограниченное количество научных, но полезных для Российской Федерации прикладных задач на ближайшие годы, хотя бы формально правильных. Например, речь идет о рыночном статусе российской экономики в контексте ВТО.

В зарубежной и отечественной специальной литературе переходная экономика обычно понимается как хозяйственная система, в которой совершается переход от планово-административного типа управления и регулирования социально-экономическими процессами к рыночному.

В то же время Россия (с 2002 г.)¹, Украина (с 2005 г.) и ряд других постсоветских и восточноевропейских государств уже имеют *статус страны с рыночной экономикой*. Этот статус соответствует специфическим по форме (хотя достаточно стандартным по содержанию) критериям национального внешнеторгового законодательства сферы ряда стран (групп стран) – США, ЕС, Аргентина, Индия и т.д.

Данные положения используются, прежде всего, в целях проведения антидемпинговых процедур для определения «нормальной» стоимости товара, подлежащего расследованию в отношении государств с рыночной или нерыночной экономикой¹.

При этом необходимо подчеркнуть, что термин «рыночная экономика» (market economy) как таковой отсутствует в пакете Соглашений ВТО. Но неформально считается, что страны-члены данной организации имеют рыночную экономику (за исключением специально оговоренных случаев, например, Китая)¹.

Так, по условиям присоединения КНР к ВТО (согласно Протоколу о его присоединении) в течении 15 лет - до 31 декабря 2016 г. для страны действует статус нерыночной экономики. Но летом 2016 г. американская сторона уже жестко заявила, что трактовка Протокола не подразумевает автоматического перевода Китая в статус рыночной экономики, и официально в июне с.г. отказалась предоставить ему этот статус. Кроме того, США также официально призвали ЕС не предоставлять КНР статус рыночной экономики с 1 января 2017 г.¹

Еврокомиссия (ЕК) разрабатывает план и методологию, предполагающие признание Китая рыночной экономикой, но только при наличии инструментария в виде антидемпинговых (АД) и компенсационных пошлин для защиты от дешевого китайского импорта, а также значительного сокращения в КНР избыточных мощностей в черной металлургии.

Таким образом, Комиссия Европейского союза (КЕС) пытается найти компромисс между стремлением Китая получить такой же статус в торговых спорах, что и развитые страны, и жалобами европейских государств и предприятий на падение цен на сталь вследствие роста ее экспорта из КНР¹.

Статус рыночной экономики – одна из наиболее желанных политических целей Китая, и он настаивает, что сможет автоматически получить его в конце года согласно правилам Всемирной торговой организации (ВТО)¹.

Новая методология ЕС в этом случае, это очевидно, очень опасна для Российской Федерации, которая получила статус рыночной экономики от ЕС и США в середине 2002 г. Хотя Россия может его лишиться - уже есть невнятные и глухие пока американские (и не только) материалы с намеками на такую возможность¹.

В этой связи, сохранение рыночного статуса экономики России и использования его преимуществ остается весьма важной задачей в контексте работы по Всемирной торговой организации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что Российская Федерация является членом Всемирной торговой организации уже более четырех лет, заметного позитивного эффекта от участия в этой международной структуре, как предполагалось, не достигнуто. Вместе с тем, оправдались в определенной степени негативные ожидания критиков самого процесса присоединения.

За истекший период российская сторона уже проделала определенную работу в ВТО: приняла участие в подготовке документов к двум Министерским конференциям и переговорам Доха-раунда, была задействована в текущей деятельности организации, в т.ч. Органе по разрешению споров. Кроме того, закончились почти все основные переходные периоды по выполнению национальных обязательств, принятых при присоединении. Также был проведен первый Обзор торговой политики России на предмет ее соответствия нормам и правилам ВТО.

Таким образом, можно подводить итоги, отчасти предварительные, участия Российской Федерации во Всемирной торговой организации. Вместе с тем, интерес к изучению проблематики ВТО («trade policy»), включая деятельность страны в этой международной организации, в стране заметно снизился. Хотя на современном этапе требуется активный поиск новых направлений действий на среднесрочную перспективу для выработки актуальной внешнеэкономической стратегии России.

Прежде всего, необходимо выделить новые вызовы и ограничения (экономическая рецессия, торгово-политические санкции, импортозамещение, неблагоприятная конъюнктура мировых товарных рынков и пр.) для эффективной реализации внешнеэкономической политики страны, но в итоге повышает степень изоляции России от глобальных рынков, а также сокращает пространство для маневра во внешней сфере.

Помимо этого необходимо учитывать несбалансированные условия присоединения России как исходную базу для формирования на перспективу новой переговорной позиции в ВТО и недостаточно подготовленный состав российской делегации.

Ключевая причина низкой отдачи участия России в ВТО - архаичная энергосырьевая структура экспорта. Следует понимать, что ВТО - это инструмент, который представляет, прежде всего, возможности для продвижения экспорта готовых промышленных изделий, а в меньшей степени - продукции сельского хозяйства и услуг.

При нынешней деградирующей структуре экспорта России теоретически наибольшую пользу инструментарий ВТО могли бы принести именно для

стимулирования вывоза аграрной продукции на мировые рынки. Но этого не произошло, как представляется, в силу отсутствия серьезной проработки данной проблемы.

При этом в условиях санкций и особенно контр-санкций России, результативность любых планируемых действий российской стороны в ВТО существенно ограничена. Такую ситуацию практически невозможно изменить, поскольку доверие между Россией и ее основными торговыми партнерами сильно подорвано, а его восстановление займет долгие годы, даже независимо от изменения экономической модели развития страны.

Как представляется, помимо комплекса субъективных и объективных причин, низкая результативность участия страны (т.е. торговой политики как составной части национальной внешнеэкономической стратегии) в ВТО определяется решающим фактором – невосприимчивостью и неготовностью нынешней модели российской экономики с доминированием энергосырьевого сектора и монополизмом госкомпаний к эффективному использованию инструментов ВТО во внешнеэкономической сфере.

При этом необходимо учитывать, что внешнеэкономический комплекс является вторичным сектором экономики, и его эволюция в целом определяется тенденциями развитием национального хозяйства. Однако возможны точечные успехи с достаточно минимальными финансовыми и административными затратами во внешнеэкономической политике, непосредственно воздействующие на реальный сектор.

В среднесрочной перспективе – по мере возможного формирования основ новой экономики (например, перехода на инвестиционную модель роста) - будет возрастать востребованность и значимость «фактора ВТО» в России. В свою очередь, может возникнуть синергетический эффект, который позволит проводить эффективную внешнеэкономическую политику страны с учетом интересов поступательного развития национальной экономики в условиях новых глобальных вызовов в мировом хозяйстве.

Сам факт присоединения, т.е. обеспечение минимальной недискриминации России в мировой торговле является главным результатом членства в ВТО. В условиях санкций и экономического кризиса именно данный фактор недискриминации играет важную роль в смягчении внешних вызовов и рисков для российской экономики. Помимо этого применение правил ВТО потенциально позитивно воздействует на экономику и деловой климат в страны.

Следует принимать во внимание, что в современных условиях глобализации меняются основные тренды развития не только мировой экономики, но международной торговли. Так в посткризисный период резко снизились ежегодные темпы роста глобального товарооборота, и заметно изменилась его отраслевая структура.

Поэтому экстенсивные факторы развития внешнеэкономической сферы на современном этапе становятся все менее результативными, и на первый план, в частности, выходит профессиональное использование инструментов и механизмов ВТО – как одного из способов возможной интеграции страны в мировую экономику на новом уровне.

В этой связи необходимо активно использовать доступные инструменты ВТО для повышения эффективности внешнеэкономической политики России, в том числе:

- (полу) автоматическая отмена дискриминационных ограничений в отношении отечественного экспорта товаров и услуг;
- применение допустимых механизмов поддержки, включая субсидирование;
- использование правовых возможностей Органа по разрешению споров;
- отстаивание и продвижение национальных интересов в рамках многосторонних торговых переговоров Доха-раунда и текущей деятельности ВТО.

В этой связи повестка действий России в ВТО на современном этапе должна включать снятие претензий по несоответствию современного торгово-политического режима России нормам и правилам организации, а также подготовка в стране кадров по проблематике ВТО высшей квалификации.

Вместе с тем, указанные выше вызовы глобального уровня и внутренние проблемы создают не только очередные риски, но и новые возможности для России, которыми, надо уметь воспользоваться. Формируется новая стадия развития национального хозяйства, и складываются предпосылки для качественного роста ее внешнеэкономического сектора. В этой связи перед Россией сто комплекс основных задач в ВТО на перспективу:

- отстаивание рыночного статуса экономики России и использования его преимуществ;
- применение инструментов ВТО для продвижения несырьевого (сельскохозяйственного и промышленного) экспорта страны;
- формирование ЕАЭС на основе правил ВТО и консолидация действий стран-участниц Союза в организации;
- выбор приоритетов и союзников для продвижения российских интересов по повестке Дохийского раунда и в рамках текущей деятельности ВТО.

Материализация потенциальных преимуществ России во внешнеэкономической сфере во многом возможна только при проведении активной и последовательной государственной политики в этой области, основанной на реализации национальных экономических интересов, в том числе в рамках Всемирной торговой организации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. World Trade Organization: «Trade in 2016 to grow at slowest pace since the financial crisis», PRESS/779, 27 September 2016, 11 p.
2. Бирюкова О., Пахомов А. «Итоги мировой торговли товарами и услугами в 2012 г. и перспективы ее развития» / Экономическое развитие России. 2013. № 5. С. 14-19.
3. Официальный сайт ВТО www.wto.ru
4. Пахомов А.А. Договоренности Уругвайского раунда и эволюция ВТО, Вопросы экономики. 2000. № 8. С. 146-158.
5. Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. Май 2016, Минэкономразвития России.
- 3 О предыдущих этапах развития индонезийской экономики см. Л.Ф.Пахомова Индонезия: выбор модели социально-экономического развития / Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. Т. 14. -М., ИВ РАН, с. 122-144; Пахомова Л.Ф. Модели процветания: Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия, - М., ИВ РАН, 2007, 256 с.
- 4 <http://www.kemendag.go.id/id/economic-profile/indonesia-export-import/growth-of-non-oil-and-gas-export-destination-country>
- 5 С. Алексашенко Экономический кризис: Нефть. Рубль. Путин, «Ведомости», 26 августа 2015 г.
- 6 Indonesia: Country Brief. Indonesia: Key Development Data & Statistics. The World Bank (September 2006), p.16
- 7 А.Ю.Другов Индонезия – опыт перестройки / Восток (Oriens), 2014, № 1, с. 69
- 8 Авторы рейтинга оценивают общее богатство миллиардеров конкретного государства, чей бизнес лежит в основном в рентных отраслях, склонных к монополизации, госрегулированию и участию государства (игорный бизнес, нефтегазовый и оборонный сектора, угольная промышленность и металлургия, недвижимость и строительство, инфраструктурные проекты, банковское дело), и сравнивают его с объемом ВВП страны. «Comparing crony capitalism around the world», The Economist, L., May 5th, 2016, p.24
- 9 WEF Global competitiveness report 2015-2016, Geneva, 237 p.; Indonesia Doing Business 2016 / The World Bank, 136 p.
- 10 ANTARA, Jakarta, 11 Februari 2016
- 11 ANTARA, Jakarta, 25 juli 2016
- 12 См. Пахомов А.А. БРИКС набирает вес: страны БРИКС в мировом «клубе инвесторов» / Азия и Африка сегодня. 2012. № 4 (657). С. 16-23
- 13 Так, в состав Next Eleven (N11) были включены Мексика, Нигерия, Египет, Турция, Иран, Пакистан, Бангладеш, Индонезия, Вьетнам, Ю.Корея и Филиппины, Джим О'Нил – создатель аббревиатуры БРИК – предложил новый термин для этой группы стран – «экономики роста».
- 14 Рассчитано автором по данным МВФ за соответствующие годы.
- 15 IMF Data base 2016 – Indonesia:
<http://www.imf.org/external/np/sec/pr/2016/pr16104.htm>
- 16 IMF World Economic Outlook (WEO) «Transitions and Tensions», October 2013; «Коммерсантъ # Власть», 12 мая 2015 г.
- 17 PwC «The World in 2050: Will the shift in global economic power continue? », L., 10th February, 2015, 46 p.; http://www.pwc.ru/ru/press-releases/2015/economic_forecast_2050.html, РБК, 11 февраля 2015 г.

- 18 Ibidem.
- 19 ¹ «Long-term macroeconomic forecasts: Key trends to 2050», A special report from The Economist Intelligence Unit, L, 15 p.
http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=ForecastingTo2050
- 20 Информационное агентство Regnum, 26 июня 2015 г.
- 21 «RI one of world's 5 largest economies by 2030, says PWC», The Jakarta Post, March 17, 2015
- 22 Ibidem
- 23 Сейчас Индонезия импортирует произведенные, в частности, из российской нефти нефтепродукты в основном из Южной Кореи и Сингапура. В 2005 г. страна добывала 71 млн. т нефти, в 2015 г. – 38 млн. т, а к 2030 г. предполагается добыча на уровне 11 млн. т.
- 24 Республика Индонезия стала полноправным членом Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) – предшественника ВТО - в феврале 1950 г., а также является государством-учредителем Всемирной торговой организации в 1995 г.
- 25 The Jakarta globe, 8 October 2014.
- 26 https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/indonesia_e.htm
- 27 Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) - Региональное всестороннее соглашение об экономическом сотрудничестве, или «АСЕАН+6».
- 28 Ф.Лукиянов Азия становится местом самых главных мировых процессов, «Российская газета», 24 ноября 2015 г.
- 29 «Trade growth to remain subdued in 2016 as uncertainties weigh on global demand», WTO, PRESS/768, 7 April 2016, p. 13
- 30 22 ноября 2015 г. в Малайзии 10 государств Юго-Восточной Азии подписали Договор о сообществе АСЕАН, предусматривающий глубокую региональную интеграцию в сфере экономики, политики и административной деятельности, включая создание Единого экономического пространства АСЕАН. Членами Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), функционирующей с 1967 г., являются: Малайзия, Индонезия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам, Мьянма, Камбоджа, Лаос и Бруней.
- 31 Согласно правилам ВТО «уровень связывания» - это максимально допустимые ставки импортных пошлин, которая страна может применять в своей внешнеторговой политике в рамках принятых обязательств по тарифным уступкам в этой организации.
- 32 «Indonesia must join multilateral trade pacts: Jokowi», The Jakarta post, January 29, 2016
- 33 Ibid.
- 34 «Trade growth to remain subdued in 2016 as uncertainties weigh on global demand», WTO, PRESS/768, 7 April 2016, p. 15
- 35 Ibidem.
- 36 WTO Trade Profiles - 2015, Geneva, October 2015, p.91
- 37 UNCTAD World Investment Report, Geneva, 2016, 238 p.
- 38 Tempo, Jakarta, 18 juli 2016